

«Россия против Наполеона: Борьба за Европу, 1807–1814»

Доминика Ливена

В прошлом 2012 г. Россия широко и торжественно отметила 200-летие одного из самых славных событий своей истории – Отечественной войны 1812 года. Многие европейские государства – бывшие участники наполеоновских войн, составной частью которых была и эта война, или, как её называют на Западе, «Русская кампания Наполеона», также не остались в стороне от празднования исторического юбилея. И без того огромная историография темы пополнилась в последние годы ещё сотнями трудов российских и зарубежных исследователей. В их числе заметно выделяется монография члена Британской академии, профессора Кембриджского университета Доминика Ливена «Россия против Наполеона: Борьба за Европу, 1807–1814», которая в 2009–2010 гг. вышла в свет на английском языке в Великобритании и США, а в 2012 г. была переведена на французский и русский языки¹. Это издание сразу обратило на себя внимание научной общественности и было отмечено Вольфсоновской премией (Великобритания) за лучшую историческую книгу 2009–2010 гг. и премией фонда Наполеона (Франция) за лучшую книгу 2010 г. о наполеоновской эпохе на иностранном языке. В чём же важность данной монографии? Что нового даёт она русскому и западному читателю по, казалось бы, уже хорошо исследованной теме? Мы предлагаем вниманию читателей размышления о книге Ливена и поднятых в ней проблемах ведущих исследователей, специализирующихся на изучении той эпохи.

В обсуждении приняли участие доктора исторических наук С.В. Белоусов (Пензенский государственный университет), С.Н. Искюль (Санкт-Петербургский институт истории РАН), А.А. Орлов (Московский государственный гуманитарный университет имени М.А. Шолохова), В.С. Парсамов (Российский государственный гуманитарный университет), М.-П. Рэй (университет Париж I Сорбонна, Франция), А.В. Чудинов (Институт всеобщей истории РАН), кандидаты исторических наук В.М. Безотосный (Государственный исторический музей), Г.Н. Бибиков (Институт российской истории РАН), Л.Л. Ивченко (Музей-панорама «Бородинская битва»), Л.В. Мельникова (Институт российской истории РАН), Н.В. Промыслов (Институт всеобщей истории РАН) и А.А. Подмазо (Общество «Знание» России).

¹ *Lieven D.* Russia against Napoleon: The Battle for Europe, 1807 to 1814. L., 2009; *idem.* Russia against Napoleon: the true story of the campaigns of War and peace. N.Y., 2010; *idem.* La Russie contre Napoléon, la bataille pour l'Europe (1807–1814). P., 2012; *Ливен Д.* Россия против Наполеона: Борьба за Европу, 1807–1814 / Пер. с англ. А.Ю. Петрова. М.: РОССПЭН, 2012. 679 с. Далее во всех текстах ссылки даются на русскоязычное издание книги.

*Александр Чудинов: Русский или британский историк?
Феномен профессора Ливена²*

10 июля 2012 г. на проходившей в Москве Международной научной конференции «Отечественная война 1812 года в контексте мировой истории» состоялся «круглый стол», участники которого рассказывали, на каком уровне в разных странах находится изучение наполеоновских войн и, в частности, «Русской кампании». Общая картина получилась, на мой взгляд, неожиданно пессимистичной. Выяснилось, что национальные историографии в большинстве своём мало подвержены внешним влияниям, не слишком активно воспринимают достижения других национальных школ и в методологическом отношении довольно консервативны. С изучением же Отечественной войны 1812 года дело обстоит ещё хуже. Даже в Великобритании, где исследование наполеоновских войн в целом развивается гораздо более динамично, чем в других странах, трактовки «Русской кампании», по словам участвовавшего в «круглом столе» английского историка Алана Форреста, не слишком оригинальны и фактически сводятся к воспроизведению французской версии событий. Причину этого Форрест видит в незнании большинством английских историков русского языка, что лишает их возможности знакомиться с русскими источниками и российской историографией. Единственным отрядным исключением стала недавно вышедшая монография профессора Кембриджского университета Доминика Ливена «Россия против Наполеона: Борьба за Европу, 1807–1814». «Эта книга предлагает новую перспективу рассмотрения кампании, отличную от того, как мы её понимаем в Великобритании», – сказал Форрест, правда, сделав интересную оговорку, – «хотя Ливен во многих отношениях историк более “русский”, чем “британский”»³.

Перевод монографии Ливена на русский язык действительно оказался важным событием для российской историографии Отечественной войны. (Необходимо отметить бесспорную заслугу переводчика книги А.Ю. Петрова и её научного редактора В.М. Безотосного.) И всё же я позволю себе не согласиться с моим другом и коллегой Аланом Форрестом в том, что Ливен историк «более русский, чем британский». Над любым российским исследователем Отечественной войны 1812 года, хочет он того или нет, неизбежно тяготеет груз двухсотлетней традиции её изучения, связанной не только с постепенным и кропотливым накоплением всё новых знаний о той эпохе, но и с непрерывными ожесточёнными спорами, «опровержениями» и «разоблачениями», которые далеко не всегда носят чисто научный характер, а, напротив, обычно имели и имеют ярко выраженный идеологический и политический смысл. Полемика в дореволюционной России сторонников «научно-критического направления» с представителями «официозной» историографии, критика марксистскими историками тех и других как «дворянских» и «буржуазных» исследователей, перестроенное и постперестроенное изобличение советской историографии... Были ли кто-то из отечественных исследователей войны 1812 года не «вскормлен с копыя»?

² Текст подготовлен при поддержке РГНФ, проект № 11-21-170001а/Фра.

³ См.: Наполеоновские войны в национальных историографиях Европы и Америки: материалы «круглого стола» // Французский ежегодник 2013: «Русская кампания» Наполеона: события, образы, память. М., 2013.

Бесспорно, дискуссия – двигатель науки, но, увлекаясь полемикой, не утрачиваем ли мы порой такое простое, но весьма необходимое для учёного человеческое качество, как способность удивляться предмету своего исследования? Между тем в истории мы найдём не так много примеров, столь же достойных удивления, как коллизия 1812 г. В самом деле, далеко не самая могущественная из мировых держав (по численности населения Россия отнюдь не превосходила Французскую империю, а по экономической мощи заметно уступала ей) оказалась вовлечена в противоборство с объединёнными силами всей континентальной Европы, во главе которых стоял лучший полководец того времени, и из такого, казалось бы, безнадёжного конфликта вышла победительницей: Великая армия полегла на российских просторах, а русские войска два года спустя вступили в Париж. Разве это не удивительно и не достойно восхищения?

«У русских есть все основания гордиться достижениями своей страны и армии в 1812–1814 гг.», – считает и Ливен (с. 49). Однако это ему, английскому историку, легко высказать столь простой и, на первый взгляд, очевидный вывод. Многие из его российских коллег, живущих в реалиях национальной историографической традиции, хорошенько подумают, прежде чем сделать подобное заявление, которое запросто может навлечь на них обвинение в «лжепатриотизме». «Простые истины» у нас сейчас не в моде, а утверждения, что в трагедии 1812 г. виновен не Наполеон, а «спровоцировавший его» русский царь, что Великая армия несла в Россию на своих штыках прогресс и что победившие Наполеона русские генералы были на деле бестолковыми тупицами, напротив, встречаются всё чаще⁴.

К счастью, в данном отношении Доминик Ливен всё же «более британский историк, чем русский». Будучи прекрасно знаком с российской историографической традицией, он тем не менее свободен от бремени отягощающих её политических, идеологических и прочих смыслов, и способен удивляться событиям прошлого, задаваясь вопросом о том, «как и почему Россия справилась с теми серьёзными испытаниями, которые в рассматриваемые годы выпали на её долю в лице Наполеона»? (с. 48). Именно желание максимально приблизиться к истине, объяснить «один из наиболее драматичных эпизодов в истории Европы» (с. 38) и лежит в основе предпринятого Ливеном исследования.

Автора книги отличает также полное и, более того, демонстративно выраженное безразличие к научной моде. В эпоху торжества «новой культурной истории», когда «самый надёжный способ исключить себя из списка кандидатов на получение места в любом великобританском, не говоря уже об американском, университете, это сказать, что вы хотите заниматься историей сражений, дипломатии и королей» (с. 39), Ливен ничуть не боится показаться старомодным, заявляя: «настоящая книга действительно представляет собой сочинение о королях и сражениях» (с. 50). Впрочем, столь демонстративно выраженное пренебрежение научной модой отнюдь не отменяет того, что перед нами по-настоящему современная книга.

Поскольку судьба большой войны зависит не только от храбрости солдат на поле боя и от таланта полководцев, но и от эффективной работы тыла, немалая часть монографии отведена экономической подоплёке военных действий: «исследование охватывает также военную промышленность, государственные финансы, коневодство и людскую силу» (с. 51). Что касается коневодства, то

⁴ Подробнее о современной российской историографии наполеоновских войн см.: *Безотосный В.М.* Россия и Европа в эпоху 1812 года. Стратегия или геополитика. М., 2012.

проведённый Ливеном сравнительный анализ качества конского состава русской и французской армий, порядка его пополнения и условий содержания уже стал классикой мировой историографии, а ссылки на него – общим местом новейшей литературы о наполеоновских кампаниях 1812–1814 гг. Несомненный интерес представляют и наблюдения автора относительно специфических черт корпоративной психологии русских солдат и офицеров, а также психологические характеристики отдельных исторических деятелей, выдвигавшихся на передний план в тот или иной момент кампании.

Нельзя не восхититься и блестящим сочетанием в работе Д. Ливена методов двух весьма актуальных, но, на первый взгляд, предельно далёких друг от друга направлений современной исторической науки – глобальной истории и микроистории. В ходе своего повествования Ливен весьма непринуждённо и изящно переходит с одного из них на другой, легко меняя масштаб исследования. Одним словом, книга выполнена на уровне лучших научных исследований XXI в. Свободен Ливен и от власти стереотипов, распространённых в исторической литературе. Как читатель, наверное, уже заметил, слово «свобода» и производные от него особенно часто используются мною для характеристики творческого почерка автора. И это не случайно. На мой взгляд, именно они лучше всего выражают суть феномена профессора Ливена – учёного, сумевшего достичь максимальной свободы от влияния традиции, моды и стереотипов, для того, чтобы отправиться искать ответы на интересующие его вопросы, руководствуясь исключительно собственной любознательностью и здравым смыслом.

К какому же выводу пришёл в результате своего исследования учёный, которого при всём желании невозможно заподозрить в «лжепатриотизме»? Д. Ливен считает: «Одной из главных причин, по которой Россия одолела Наполеона, было то, что российские политические деятели оказались дальновиднее его. В 1812 г. Наполеон не сумел понять общество и политику России и не воспользовался слабостями внутривластного устройства страны... Александр, напротив, хорошо знал сильные и слабые стороны своего противника и воспользовался своим знанием в полной мере» (с. 655). Что ж, выходит, у нас действительно есть все основания гордиться достижениями своей страны и армии в 1812–1814 гг.

Мари-Пьер Рэй: Три тезиса Доминика Ливена⁵

Несмотря на огромную историографию войны 1812 года и кампаний 1813–1814 гг. в Германии и Франции, новая книга Доминика Ливена представляет огромный интерес благодаря впечатляющему объёму использованных автором источников и литературы на четырёх европейских языках (русском, английском, немецком, и немного меньше – французском), а также углу зрения, под которым он рассматривает, казалось бы, знакомые сюжеты.

Прежде всего, книга содержит массу фактической информации: например, статистические данные о полках, подразделениях, воинских чинах, топографические подробности, необходимые для понимания сражений, биографические справки и талантливо набросанные автором портреты многочисленных персонажей, делающие книгу живой и интересной, несмотря на её насыщенность.

⁵ Перевод с французского Л.В. Мельниковой.

Но больше всего монография впечатляет анализом и интерпретациями, часто блестящими и убедительными.

В небольшом тексте, конечно, невозможно рассмотреть все затронутые в исследовании темы, настолько они многочисленны и разнообразны. Я остановлюсь на трёх основных тезисах, рассматриваемых Д. Ливеном. Первый, очень важный тезис, проходящий через весь его труд, касается природы конфликта и его геополитического аспекта. Для автора война, которую победоносно провела Российская империя против Наполеона, не сводится к напряжённой и важнейшей Отечественной войне 1812 года, она перемещается в общую перспективу, объединяющую также 1813 и 1814 гг.; по мнению Ливена, 1812 г. составляет лишь одно из звеньев сложной истории, начавшейся в 1807 г. в Тильзите и закончившейся в марте 1814 г., когда Александр I победителем вошёл в Париж. Историк считает, что ставки конфликта, а именно безопасность Российской империи и её международный статус, разыгрывались не только в 1812 г., но также в кампании 1813 г., освободившей Германию от французской оккупации, затем в кампании 1814 г., благодаря которой Россия избавилась от Наполеона и его империи, наконец, во время Венского конгресса, где Россия получила дивиденды за прошлые годы. И действительно, как свидетельствуют источники, использованные Ливеном, и другие документы, уже на самом раннем этапе царь убедился в том, что прочная безопасность России связана не только с разгромом Наполеона, непременным условием, которое позволило бы русским восстановить своё влияние в Польше, Германии и на Балканах, но также с использованием системы европейского равновесия. Как я сама отметила в своей монографии «Александр I»⁶, эта европейская риторика, доходящая до выдвижения идеи общеевропейского союза, действительно присутствует с конца 1804 г. под пером Александра I и его дипломатического советника, будущего министра иностранных дел кн. А. Чарторыйского; «положенная под сукно» во время франко-русского Тильзитского союза, она вновь появляется с конца 1812 г. и после Венского конгресса господствует в русской внешней политике вплоть до начала 1820-х гг.

Второй тезис, развитый Домиником Ливеном в его монографии, касается характера войны 1812 года. На основании многочисленных источников он убедительно показывает, что после краткого рассмотрения возможности наступательной войны против Наполеона царь и его ближайшие военные советники, среди которых Ливен обоснованно подчёркивает ключевую роль М.Б. Барклая де Толли, очень быстро задумали и разработали план оборонительной войны. Военные действия на территории Российской империи были призваны истощить силы Наполеона, всегда преуспевавшего в коротких кампаниях и не привыкшего к длительным операциям. Впоследствии оборонительная война должна была превратиться в наступательную и продолжаться за границами империи, чтобы вызвать в Европе всеобщее вооружённое восстание против французского господства. На самом деле всеобщее восстание, о котором мечтал Александр I, не состоялось, поскольку Наполеон повсюду сохранял сторонников, опасавшихся возвращения к старому порядку, хотя немецкое население, уставшее от французской оккупации, действительно встречало русскую армию с распростёртыми объятиями. Тем не менее, и Ливен это прекрасно доказывает, выбор оборонительной стратегии был и правильным, и своевременным, вопреки распростра-

⁶ *Rey M.-P. Alexandre I-er. P., 2009. (Русский перевод: Рэй М.-П. Александр I. М., 2013.)*

нённому Л.Н. Толстым и некоторыми историками мифу о том, что в 1812 г. русское высшее командование было вынуждено «догонять» события.

Оборонительная и более длинная, чем вначале предполагал Наполеон, война 1812 года вызвала у французского императора самые острые проблемы со снабжением и материально-техническим обеспечением, которые унесли у Великой армии больше человеческих жизней, чем непосредственно сражения, и стали одной из весомых причин её окончательной катастрофы. Напротив, кампании в Германии и тем более во Франции, как блестяще показывает Ливен, с русской стороны характеризовались большим мастерством в деле создания путей сообщения и снабжения, позволивших своевременно обеспечивать всем необходимым людей и лошадей, почти не страдавших от дефицита.

Третий тезис Д. Ливена относится к структуре, организации и характеру русской императорской армии. По этим ключевым вопросам автор ставит под сомнение некоторые мифы и освещает аспекты, прежде мало затрагивавшиеся в историографии. Прежде всего, на протяжении всей книги учёный показывает, что Александр I не был несостоятельным и «бесцветным» царём, каким его долгое время изображали советские историки. Наоборот: в 1812 г. он возглавил «внутренний фронт», чтобы обеспечить единение общества, и оказывал влияние на принятие военных решений, регулярно взаимодействуя с чинами своей Главной квартиры. В 1814 г. Александр I ярко проявил себя на политическом и дипломатическом поприще, он ежедневно получал информацию о передвижении войск и принимал решающее участие в создании 6-й антинаполеоновской коалиции. Эту переоценку роли императора, которая прослеживается также в трудах некоторых современных российских историков⁷, следует подчеркнуть особо.

По мнению Д. Ливена, патриотические чувства русских войск не следует преувеличивать, поскольку армия, воевавшая в 1812 г., не была чисто русской, призванной бороться за национальную идею, подвергнушая опасности со стороны захватчика. Она была многонациональной, насчитывала в своих рядах и среди высшего офицерства много людей нерусского происхождения и воевала в силу своей верности царю, защищая традиционные ценности и «старый порядок», основанный на самодержавии и господстве дворянства. Приписывать ей национальные чувства – значит, доказывать анахронизм. Вместе с тем то, что она была консервативной и полной архаизмов, парадоксальным образом оказалось ценным преимуществом в борьбе с Наполеоном.

Отличавшаяся твёрдой дисциплиной, основанной на строгой иерархии, и обеспеченная талантливыми офицерами, русская императорская армия имела два дополнительных преимущества: эффективную кавалерию, особенно лёгкую, и стойких пехотинцев, бившихся на смерть. Эту исключительную смелость русских солдат, поражавшую в 1812 г. многих французских воинов, Ливен объясняет прежде всего психологическими особенностями, свойственными их традиционному миру: бывшие крестьяне, вырванные из семей и призванные в армию на 25 лет, т.е. почти на всю жизнь, сражались не столько за царя и свои семьи, сколько за выживание своего полка, который и являлся для них настоящей семьёй. Таким образом, в противовес идеям, глубоко укоренившимся в историографии войны 1812 года, Ливен считает ключевым элементом русской победы не национальные чувства, а дисциплину хорошо управляемых

⁷ См., например: *Безотосный В.М.* Наполеоновские войны. М., 2010.

и преданных своему царю войск. Однако мне это кажется некоторой натяжкой, поскольку императорская армия предстаёт как слишком самостоятельный мир, независимый от всех остальных социальных сфер, вырванный из социально-политического контекста; кроме того, игнорируются другие параметры, которые тоже сыграли свою роль. Эта тенденция определяется тем, что Ливен пользовался почти исключительно военными источниками. По моему мнению, другими важными элементами, которые необходимо учитывать при объяснении русской победы над Наполеоном, являются: авторитет самодержавия, сила религиозных и патриотических чувств как в армии, так и среди гражданских лиц (об этом свидетельствует многочисленная переписка между воинами и их семьями), борьба крестьян, становившихся жертвами бесчинств Великой армии, мужество людей тыла и, наконец, роль национальной пропаганды, искусно воплощённой в поэзии, песнях и карикатурах. Всё это внесло свой вклад в окончательную победу и эти различные параметры нужно рассматривать в комплексе.

Наконец, я сделаю последний маленький упрёк этой увлекательной книге. Поскольку она называется «Россия против Наполеона», мне кажется, что в ней следовало бы уделить большее внимание французскому императору. О чём думал Наполеон накануне вторжения в Россию и каковы были его настоящие цели? Как они менялись в течение войны по мере накопления трудностей? Как он поступал по отношению к своей Великой армии? И, наконец, когда он осознал, что проиграл? На эти важнейшие вопросы Доминик Ливен, к сожалению, не даёт ответа. Тем не менее его труд вносит значительный вклад в историографию, существенно обновляя представления об Отечественной войне, и в этом отношении он является эпохальным.

Вадим Парсамов: Победил тот, кто совершил меньше ошибок

Сказать, что книга Д. Ливена по-настоящему современна – это не сказать ничего или сделать ей сомнительный комплимент. «Современные» исследования – продукт скоропортящийся, быстро устаревающий в новых условиях и отправляющийся в корзину. Между тем книга Ливена могла бы быть написана и сто лет назад, и сто лет спустя. Для неё в полной мере характерно то, что во все времена было главным в работе настоящего историка – понять прошлое таким, каким оно было, и увлекательно рассказать об этом.

Монография Ливена полемична по отношению как к российской, так и к зарубежной историографии. Отечественные авторы по традиции привыкли противопоставлять войну 1812 года и Заграничные походы. До сих пор у русских историков и их читателей существует твердое убеждение, что в 1812 г. русские победили Наполеона. При этом даже любителей исторических параллелей не смущает тот факт, что следуя этой логике, победу над Гитлером нужно отнести к весне 1944 г., когда советские войска вышли к границе СССР. Но ведь никому не приходит в голову противопоставить «Отечественную войну 1941–1944 гг.» и «Заграничные походы советской армии 1944–1945 гг.».

В книге Ливена (и это одно из её достоинств) ясно показано, что в 1812 г. Наполеон не был побеждён. Кстати, точно так же считал и современник тех событий Жозеф де Местр, утверждавший, что Кутузов в 1812 г. не победил Наполеона, а лишь проводил его до границы. И действительно, война всегда заканчивается миром. Никакого мира и даже перемирия с Наполеоном в 1812 г.

подписано не было. И очень скоро он опять явился во главе могущественной армии, способной одерживать победы. Это знают все. Но одно дело знать, другое – верить. Верят по-прежнему в победу 1812 г. Этой вере способствует идеологическая насыщенность самих понятий «Отечественная война» и «Заграничные походы». Противопоставляются не только эпитеты – «отечественная» и «заграничные», но и существительные – «война» и «походы». Действительно, какая война после победы? Максимум – «походы».

Противопоставлению этих двух кампаний способствует и языковой барьер. Доминик Ливен в этом отношении редкое исключение. Языкового барьера для него не существует. Поэтому там, где его предшественники видели отдельные сегменты единого процесса, он сумел увидеть и воссоздать целостную картину. Это же обстоятельство позволило ему увидеть относительность всех «националистических героических мифов», до сих пор оказывающих сильное влияние на национальные историографии.

Автор рассматривает войну на трёх уровнях. Во-первых, это сам ход боевых действий, во-вторых – дипломатия, и в-третьих – русская экономика 1812–1814 гг., которая, да ещё в сравнении с европейскими, никогда раньше не изучалась. Войну изучают, как правило, военные историки. В лучшем случае они лишь фиксируют, хорошо или плохо снабжалась армия на том или ином этапе. Но сама работа тыла, движение поставок с мест производства до расположения боевых частей никогда не привлекали их внимания. Историки войны 1812 года, возможно, неосознанно унаследовали от изучаемой ими эпохи взгляд на тыл, свойственный боевым офицерам. Читатели «Войны и мира» хорошо помнят презрительное отношение Денисова и Ростова к офицерам штаба и тыла. «Офицеры снабжения, – пишет Ливен, – не пользовались почётом ни в одной из противоборствующих армий, ни в обществе. Их деятельность мало интересовала историков. Это обстоятельство заслуживает сожаления, потому что нередко они играли важнейшую роль» (с. 42). Исследователь пошёл против течения, исправляя несправедливость по поводу тех, кто снабжал армию необходимым и тем самым способствовал её победам. Особую роль автор уделяет лошадям, как ключевым фигурам в этой войне, проводя аналогию между кавалерией той эпохи и танковыми войсками Второй мировой.

Военная экономика для Д. Ливена – это такой же мир, как сражения и дипломатические переговоры, мир, где действуют конкретные люди: «Лисаневич и Кондратьев были невоспетыми героями российской военной экономики, которые достигли выдающегося результата, приведя с собой столь значительную часть подвижных магазинов, включая большую часть входивших в них с самого начала лошадей и телег, от Дуная и Белоруссии, через Германию и Швейцарию до центральных районов Франции. По пути они преодолели снежные заносы, наводнения, падёж скота, засады и бесчисленные поломки перегруженных крестьянских телег» (с. 618). Экономика тесно сопряжена с бытом, что не всегда осознают историки-экономисты, сводящие свои труды к статистическим выкладкам. Мастерским пером автор создаёт замечательные бытовые зарисовки, достойные художественной прозы.

Если в исследовании военной экономики Ливен проложил новые пути, то в описании сражений и дипломатических отношений он продолжил давнюю историографическую традицию. Чтобы лучше понять его вклад в военно-дипломатическую проблематику, нужно остановиться на том, как он передаёт психологию тех или иных исторических персонажей. Именно этот уровень связывает

воедино столь разные явления как война, дипломатия и экономика. Возьмём, например, дипломатическую сферу. Обычно историки дипломатии оперируют абстрактными «интересами стран». Отсюда возникают такие клише, как «позиция Австрии» или «усилия русских дипломатов». У Ливена дипломатия представлена вполне живыми людьми. Если речь идёт об Австрии, то это и Франц I, тесть Наполеона, боящийся собственного зятя и в то же время стремящийся отстоять интересы своих дочери и внука, и Меттерних, блестящий дипломат, светский человек, стремящийся одновременно ослабить Наполеона и не допустить усиления России, и Шварценберг, главнокомандующий союзными армиями, вечно опаздывающий и стремящийся спрятать австрийскую армию за плечами русских и пруссаков. В итоге абстрактная «позиция Австрии» становится гораздо более осязаемой и конкретной, представая равнодействующей политических взглядов и психологических особенностей столь разных людей.

То же самое можно сказать и применительно к России. Упорное, если не сказать упрямое стремление Александра I вопреки интересам союзников низложить Наполеона привело союзные армии в Париж. Ливен очень хорошо вскрывает причины, заставлявшие Александра непреклонно на протяжении двух лет двигаться к своей цели, но показывает, что все эти причины могли не сработать, если бы пушечный выстрел, поразивший генерала Моро во время Дрезденской битвы, поразил бы и царя, находившегося совсем рядом: «Если бы ядро сразило императора, последствия были бы самыми серьёзными. Великий князь Константин никогда не смог бы стать заменой своему брату в качестве главного вдохновителя коалиции. Он был абсолютно лишён обаяния Александра и его дипломатических талантов и не разделял ни приверженности своего брата делу разгрома Наполеона, ни его способности подпитывать верноподданнические чувства среди высшего генералитета, представители которого сомневались в том, что война в Германии действительно служит интересам России» (с. 501).

Это очень важная мысль. Человеческий фактор придаёт историческому процессу непредсказуемость, а историческому повествованию — драматизм. Книга Ливена потому и читается с таким напряжённым интересом, что в ней на первом плане находятся люди с их мыслями, эмоциями, сильными и слабыми сторонами, ошибками и т.д. Автор, не стесняясь, отмечает ошибки военных и дипломатов, но делает это не с позиций отдалённого всезнания, а как человек, погружённый в мир описываемых им событий. Он изображает своего героя в момент принятия решения, когда тот оказывается перед выбором. И только когда ситуация выбора пройдена и решение принято, можно понять, в чём именно он ошибся.

В итоге же становится ясно, что победил тот, кто совершил меньше ошибок. «Наполеон не сумел понять общество и политику России и не воспользовался слабостями внутривнутриполитического устройства страны. В конечном итоге он сам обрек себя на поражение, задержавшись в Москве и наивно полагая, что спасение должно было явиться к нему в лице Александра I, российской элиты и даже в виде казачьего бунта» (с. 655). Эти слова перекликаются с мнением Жозефа де Местра, также усматривавшего причины поражения Наполеона в его незнании России, характера и настроения русских людей: «Бонапарт полагал, что имеет дело с жителями французских или итальянских городов такими, какими мы их знали. Он ошибся несказанно»⁸. Александр допустил меньше ошибок и

⁸ *Maistre J. de. Oeuvres complètes. T. XII. Lyon, 1884. P. 95.*

проявил большую дальновидность, потому что, по мнению Ливена, он «хорошо знал сильные и слабые стороны своего противника и воспользовался своим знанием в полной мере» (с. 655).

Д. Ливен – мастер психологического портрета. Его характеристики исторических деятелей яркие, точны и многогранны. Очень удачно изображён А.А. Аракчеев. В последние годы в российской историографии появились попытки реабилитации этого деятеля. Если раньше о нём писали как о зловещем временщике, то теперь стараются представить его расторопным и эффективным администратором. При этом на самом деле один штамп лишь меняется на другой. У Ливена Аракчеев представлен сложно и вполне адекватно. Он – «обезьяна в мундире» (без этих слов Н.А. Саблукова, наверное, не обходится ни одно критическое описание Аракчеева), жестокий и трусливый человек. Но в то же время он показан как хороший управленец, которому русская армия обязана созданием современной на тот момент артиллерии. С другой стороны, известный либерал барон Г. фон Штейн, которым восхищался служивший под его началом будущий декабрист Н.И. Тургенев и не только он один, оказался никудышным хозяйственником, чью деятельность по снабжению союзных армий Ливен определяет как «полный провал» (с. 418).

Психологический план, играющий столь значительную роль в книге, строится в основном на мемуарных свидетельствах. Для событийной истории мемуары, как известно, источник ненадёжный. Их авторы вольно или невольно стремятся не к точности, а к тому, чтобы запечатлеть свой образ таким, каким они считают нужным. Но они являются ценным источником для проникновения в человеческий характер. Именно так их и использует Ливен. Его интересует не столько фактическая, сколько психологическая сторона мемуаров. На этой основе он показывает различия между людьми, втянутыми в единый поток событий. Очень интересно наблюдение над двумя источниками личного происхождения: мемуарами А.Ф. Раевского и дневником А.В. Чичерина. Они почти ровесники и люди примерно одного круга, оба проникнуты единым чувством патриотизма, и восприятие событий у них во многом близко. Но вот одна деталь, на которую обратил внимание Ливен. В своём патриотизме Раевский преисполнен гордости за русских дворян, приносящих «себя в жертву ради любви к родине», и при этом «ни слова не говорит об ополченцах-крестьянах, находившихся под их командованием». «В этом отношении, – продолжает Ливен, – можно отметить яркий контраст между мемуарами Раевского и дневником Александра Чичерина, в котором содержатся проникнутые нежностью и гуманным отношением замечания в адрес рядовых лейб-гвардии Семёновского полка» (с. 543).

Чичерин погиб в Кульмском сражении в возрасте двадцати лет. Раевский прожил на 9 лет больше и тоже умер молодым, но в своей постели от тяжёлой болезни, в тот самый год, когда его родной брат Владимир Раевский будет арестован как «первый декабрист». Но даже если бы он не заболел, всё равно судьба брата – это не его судьба. Другое дело – Чичерин. Если позволить себе пунктиром продолжить его «линию жизни», то с большой долей вероятности можно предположить следующее. Ближайшие друзья юного Чичерина – это его ровесники семёновские офицеры С.П. Трубецкой, И.И. Якушкин, братья М.И. и С.И. Муравьёвы-Апостолы. Через пару лет после заграничных походов они создали Союз Спасения; можно полагать, что останься Чичерин в живых, он был бы с ними. Его дневник – лучшее тому свидетельство. Патриотизм тех,

кто в 1812–1814 гг. сочувствовал крестьянам и солдатам, очень скоро обернётся чувством жгучего стыда за своё правительство, даровавшее свободу Польше и оставившее собственный народ в рабстве. Примириться с тем, что поляки, воевавшие в России вместе с Наполеоном, получили конституцию, а Россия – Аракчеева и военные поселения, для Чичерина было бы так же невозможно, как стало это невозможно для его боевых товарищей. Андрей Раевский, чья патриотическая гордость не омрачалась внутренними неустройствами страны, легко с этим примирился и даже служил после войны в Чугуевских военных поселениях. Таким образом, всего лишь одна деталь, тонко подмеченная Ливеном, может служить ранним симптомом будущего раскола в поколении русского дворянства, прошедшего наполеоновские войны.

Сама многоаспектность исследования Д. Ливена позволяет с сожалением отметить отсутствие в нём ещё одного важного пласта, без которого представить войну 1812–1814 гг. невозможно. Это идеология. Война, помимо всего прочего, всегда создаёт тексты, объясняющие её характер и цель. В первую очередь это касается заграничных походов. Но и 1812 год был тоже насыщен идеологическими смыслами. Одной из важнейших его идеологием является понятие «народная война». О том, была ли она в России, споры ведутся очень давно. В плоскости событийной истории этот вопрос вообще не имеет смысла, так как нет и не может быть однозначных критериев, какую войну считать «народной». Поэтому историки спорят в основном о словах, а не о сути. Если под «народной войной» понимать то, что было в Испании (как пишет Ливен, «Московскую губернию охватила “народная война”, напоминая события в Испании», с. 328), то отличий будет больше, чем сходства. Даже если закрыть глаза на географические, климатические и социокультурные различия между двумя странами, нельзя забывать, что в Испании было наполеоновское правительство, а следовательно, не было межгосударственной войны, ведущейся силами регулярной армии. Французская армия не преследовала испанские войска, а подавляла вспыхивавшие очаги сопротивления. Такие понятия, как «партизанская война» и «народная война» практически были здесь синонимами. Регулярные сражения на Пиренейском полуострове велись между англичанами и французами, причём и те, и другие были там посторонними.

В России же, наоборот, главную роль играла регулярная армия, чьими силами осуществлялось и партизанское движение. Но идеологически «народная война» и в России, и в Испании должна была выглядеть одинаково. Отсюда огромное количество текстов, уподобляющих русских крестьян испанским герильяс, анекдоты о русском Сцеволе, старостихе Василисе и т.д. Всё это создавало некий образ «народной войны», не отражающий реальность, но формирующий представление о ней. Непонимание этого приводит к смещению понятий. Повествованиям о действиях крестьянских отрядов против французов в 1812 г. придаётся статус исторических фактов. Толстой отнюдь не на пустом месте творил, а точнее, художественно воспроизводил миф о народной войне. А поскольку мифы в силу отсутствия в них внутренних противоречий легко воспринимаются общественным сознанием и прочно в нём укореняются, то и получается некая мешанина того, что было на самом деле, с тем, что должно было быть по мнению идеологов. Поэтому Ливен совершенно справедливо утверждает, что «роман “Война и мир” оказал воздействие на восприятие поражения Наполеона в народном сознании более сильное, чем все исторические исследования вместе взятые» (с. 655).

Задача историка не в том, чтобы уличать Толстого в искажениях. Это бессмысленно, так как роман живёт и будет жить дольше всех разоблачающих его текстов. Но мы должны не отрицать или подтверждать факт существования в 1812 г. народной войны, а локализовать её конкретные выражения, выделив идеологию как отдельный уровень в изучении событий 1812–1814 гг. И тогда блестящее исследование военной экономики, быта, сражений и дипломатии получит своё логическое продолжение.

Виктор Безотосный: Преодолевая барьеры

Доминик Ливен – представитель рода светлейших князей Ливенов, и в его личной родословной два русских генерала, воевавших в период наполеоновских войн – Павел Петрович Пален и Иван Андреевич Ливен. Родовые предания оказались напрямую связаны с российской военной историей, хотя сам Ливен справедливо полагает, что его книга является «не просто расширенной версией почитания предков» (с. 10). Стоит заметить, что, несмотря на тенденции к глобализации исторической науки, применительно к наполеоновским войнам продолжают сказываться языковые барьеры, поскольку очень немногие историки владеют четырьмя языками, которые использовались великими державами той эпохи (французским, немецким, английским и русским). Ливен прекрасно владеет ими всеми. В предисловии он отмечает: «Я был полон решимости добавить этой истории ещё большего драматизма, но сделать это, опираясь на выверенные факты. Надеюсь, что получившаяся в результате книга будет интересна читательской аудитории, особенно русской её части. Но я писал её для себя и для того, чтобы удовлетворить собственное любопытство» (с. 13). На мой взгляд, это лучшая задача, которую исследователь может поставить перед собой.

Ливен отмечает поразительный контраст между множеством российских исследований о событиях 1812 г. и очень ограниченным вниманием, которое уделялось нашими соотечественниками заграничным походам 1813–1814 гг., что фактически означало доминирование в мировой историографии французской и немецкой исторических школ. Он также отверг толстовский миф о том, что победу в 1812 г. одержал простой народ – этому тезису он противопоставил боевую подготовку русской армии, личные и профессиональные качества всего российского генералитета и императора Александра I. Сравнивая армии разных государств – участников антинаполеоновской коалиции, он особо выделил русского солдата и дал ему очень высокую оценку, отметив стойкость в бою, дисциплинированность, выдержку и неприхотливость. Всё это, по мнению Ливена, базировалось на системе воспитания личного состава унтер-офицерами и особом чувстве полкового единства. Автор проследил систему боевой индивидуальной подготовки нижних чинов российской императорской армии, проанализировал солдатские формулярные списки многих русских полков, подкрепил свой вывод мемуарными свидетельствами современников, при этом использовал источник, прежде практически не использованный историками – солдатские воспоминания участника военных действий Панфила Назарова. Особенно высоко оценил он действия русских егерей и казаков.

В то же время, касаясь самых разных сторон внешней политики и внутриполитической жизни России начала XIX в., Ливен достаточно критичен, чтобы отметить и многочисленные язвы российской действительности того времени,

в том числе и армии. Что же касается самих наполеоновских войн и их контекста, то, по его мнению, роль, которую сыграла в них наша страна, неверно интерпретируют и на Западе, и в самой России. Не буду касаться описания военных действий, это сделано Ливеном очень профессионально. При этом отмечу умение автора весьма сложные для понимания военные события представить наглядно и выпукло, обрисовать их простыми и доходчивыми словами, найти в происходившем самое важное звено. Вообще, поражает неожиданность и смелость многих его выводов в сочетании с простотой и лёгкостью изложения.

Российскому читателю в первую очередь будет интересно узнать об интерпретации автором участия русских войск в кампаниях 1813–1814 гг., хотя в монографии значительное внимание уделено и более ранним событиям, в том числе кампании 1812 г. Текст о Заграничных походах составляет около половины книги, это самая насыщенная фактами и размышлениями часть, безусловно, имеющая большую историографическую ценность. Разбирая дипломатические переговоры, политические интриги и разногласия в стане союзников, Ливен прекрасно показал роль российского императора Александра I как создателя и лидера 6-й антинаполеоновской коалиции. Именно царь принимал все важнейшие стратегические решения, утрясал все неурядицы, нередко шёл на компромиссы и при этом неизменно добивался намеченных целей. Образ русского монарха очерчен в книге достаточно объективно, с характеристикой как сильных, так и негативных сторон этого «сфинкса».

Большое внимание историк уделил экономическим факторам, снабжению войск всем необходимым, работе тыла. Чувствуется искреннее восхищение автора интендантской службой, удовлетворявшей нужды армии, фактами переоснащения и снабжения в 1813–1814 гг. оружием, амуницией, фуражом и продовольствием русских войск, имевших тыловые базы на территории за несколько тысяч километров от театра военных действий, работой армейских магазинов, созданием военных дорог, протянувшихся из глубин России в Восточную и Центральную Европу. Также Ливен обрисовал проделанную русским командованием гигантскую работу по подготовке и введению в состав полевой армии резервных, особенно кавалерийских, формирований. Ведь к концу 1812 г. потери в русской армии были пусть и не столь катастрофическими, как в армии Наполеона, но всё же внушительными. Войска Кутузова на границе насчитывали едва 100 тыс. человек. Вряд ли с такими силами можно было совершить победоносный поход в Европу. Всего же, по подсчётам Ливена, в 1812–1814 гг. в рекруты было сдано более 650 тыс. человек (с. 437). В большинстве своём они регулярно поступали в армию в качестве подкреплений во время заграничных кампаний, что и позволило поддерживать в русских частях правильное соотношение закалённых в боях ветеранов и необстрелянных новичков.

Сергей Искюль: России не было нужды побеждать Наполеона⁹

Доминик Ливен назвал свою книгу «Россия против Наполеона: Борьба за Европу, 1807–1814 гг.», однако после её прочтения остаётся впечатление, что название находится в некотором противоречии с содержанием. Скорее, не Россия, а Александр I против Наполеона. Это, может быть, не в полной мере относится ко всем главам, но в целом впечатление таково. С выбранной автором

⁹ Текст подготовлен при поддержке РГНФ, проект № 11-21-170001a/Fra.

хронологией вполне можно согласиться, и его взгляд на войну 1812 года как на составную часть кампаний 1812–1814 гг. представляется вполне обоснованным, тем более что история 1812 г. без 1813–1814 гг. и в самом деле, возможно, «теряет всякий смысл» (с. 49). В особенности же сказанное касается того существенного вклада, который внесли в общее дело антифранцузских коалиций русские войска, превозмогшие неизбежные тяготы походов 1813–1814 гг.

К достоинствам книги необходимо отнести в первую очередь богатство использованных автором источников, как архивных, так и опубликованных. Для Ливена характерно стремление к рассмотрению событий военной истории, так сказать, изнутри, и в этой связи он удачно использовал многочисленные «Истории» различных полков русской армии, а также огромный биографический материал, почерпнутый из мемуарной литературы и органично вплетённый в канву повествования. Книга в изобилии снабжена всевозможными данными, касающимися комплектования и технического оснащения тогдашних армий, производства и качества вооружения, особенностей такого рода войск, как кавалерия. На это редко обращается внимание, а между тем такие сведения помогают более рельефному восприятию картины боевых действий, а при описании некоторых эпизодов сражений лучше объясняют частный и общий успех или неудачу.

К положительным моментам следует отнести характеристику вклада остзейских немцев в успешный исход войны 1812–1814 гг. На это в литературе уже давно не обращалось внимания. Ливен пишет прежде всего о штабных офицерах, которые по уровню образования часто превосходили природных русских. Разумеется, здесь сыграло очевидную роль происхождение самого автора, но достаточно и простого здравого, а главное подлинно исторического взгляда на вещи, чтобы согласиться с тем, что «без штабных офицеров нерусского происхождения Россия никогда не смогла бы одержать победу в кампании 1812–1814 гг.». При этом Ливен справедливо подчёркивает, что «большинство этих людей были лояльны по отношению к российскому государству, а их семьи со временем становились частью российского общества» (с. 64). Добавлю, что немецкое дворянство Остзейских губерний России с самого начала военных действий в 1812 г. и далее, вплоть до взятия Парижа, верой и правдой служило престолу и Отечеству. Только выходцев из Эстляндской губ. в русской армии насчитывалось 324 офицера, многие из которых были ранены и за свои подвиги неоднократно награждены орденами, а также золотым оружием¹⁰. Воины-остзейцы, среди них такие блестящие офицеры, как братья графы Петр Петрович и Павел Петрович фон дер Палены, бароны К.В. фон Будберг, К.Е. фон Врангель, Ф.В. фон Дризен и многие другие, всегда следовали принципам сословной чести и достоинства, никогда не ставя под сомнение безусловную необходимость сохранять верность данной ими присяге. Автор справедливо отмечает, что «почти что каждый пятый “русский” штабной офицер в сражении при Бородино даже не был подданным российского императора» (с. 63), но это не мешало им с честью исполнять свой долг.

Говоря о коалиционных войнах, предшествовавших 1812 г., Ливен высказывает убеждение в том, что «если бы для России была необходимость продолжать войну после Фридрихсбурга, нет никаких сомнений в том, что она была на это способна» (с. 88). Мысль любопытная, но отнюдь не беспорная, ибо боль-

¹⁰ См.: *Wrangell G. Baltische Offiziere im Feldzuge von 1812. Reval, 1912. S. 4.*

шинство источников, в первую очередь мемуарного и эпистолярного характера, сходятся на том, что, если бы кампания 1807 г. была продолжена, это привело бы к катастрофе: русская армия потерпела бы куда большее поражение, чем при Фридланде, и ей пришлось бы спасаться бегством. Автор также склонен считать, что «к тому времени Наполеон контролировал большую часть Западной и Центральной Европы и мог мобилизовать огромные ресурсы для войны против России» (с. 88). Возможно, это и так, но в 1807 г. продолжение военных действий едва ли входило в его планы, не случайно первый же зондаж русских был встречен им благожелательно и имел далеко идущие последствия. В этом и кроется причина того, что «в конечном счёте, по условиям Тильзитского мира, Александр получил большую часть того, что хотел» (с. 93), т.е. мир без каких бы то ни было территориальных уступок и репараций, а также сохранение Пруссии на географической карте Европы.

Д. Ливен неоднократно касается вопросов, так или иначе связанных с причинами войны 1812 года, но специально их не рассматривает, сосредоточивая внимание на противостоянии двух европейских империй – Франции и Великобритании. Он пишет: «Союзники, и прежде всего Австрия, стремились к чему-то вроде баланса сил в континентальной Европе. Наполеон же был приверженцем идеи создания в Европе французской империи или, по крайней мере, установления господства Франции» (с. 465). Историк согласен с тем, что впоследствии, когда война была перенесена из России в Европу, «континентальные державы-союзницы могли разделять приверженность Великобритании идее баланса сил, исходя из соображений собственной безопасности. Однако баланс сил на континенте означал, что прочие государства не могли бросить всерьёз вызов английскому морскому и колониальному владычеству» (с. 581). Этот вызов могла бросить Англии Франция в союзе с Россией в эпоху Павла I. Павел предлагал первому консулу совершить вторжение на Британские острова, и союзные державы совместно выступили в защиту прав нейтральных государств в торговле на морях. При Александре I политика его отца потеряла актуальность, хотя русско-французские переговоры и плодотворное сотрудничество в 1802–1803 гг. при совместном урегулировании германских дел (с. 77) могли со временем принести свои плоды.

Ливену совершенно ясно, что «даже не выплачивая военную контрибуцию в 1807–1814 гг., Россия находилась в состоянии финансового кризиса», поскольку со второй половины XVIII в. десятилетиями «расходная статья государственного бюджета постоянно оказывалась выше доходной», а всё новые эмиссии бумажных ассигнаций привели в конце концов к тому, что «к 1812 г. стоимость бумажных денег Российской империи составляла лишь четверть от их “реальной” (в серебряном эквиваленте) ценности». Эта серьёзнейшая проблема естественно провоцировала рост государственных расходов (с. 72–73), но её решение путём проведения всегда непопулярных внутренних реформ сводилось к половинчатым мерам, ибо для российского императора внешняя политика неизменно оставалась приоритетной. Тильзит дал Александру I возможность заняться наведением порядка в хозяйственной сфере, и он «тешил себя надеждой на то, что, если англичане полностью утратят возможность торговли с континентом, и при этом выдвинутые Наполеоном условия будут умеренными, Лондон, возможно, пойдёт на заключение мира». В самом деле, «компромиссный мир, ограничивающий как британскую экспансию за пределами Европы, так и продвижение французов на континенте, идеально соот-

ветствовал бы интересам России». Автор добавляет, что «радужные надежды Александра выглядели реалистичными и потому, что Тильзитский мир не обязывал Россию участвовать в военных действиях против Великобритании» (с. 94–95). Это представляется вполне очевидным, как и то, что эпоха франко-русского союза для царствования Александра I ознаменовалась несколькими более или менее продолжительными войнами и крупными территориальными приобретениями.

Говоря об общей ситуации перед войной 1812 года и о подготовке к ней Александра I, Ливен пишет, что военный министр представил императору записку о защите западных рубежей империи (с. 131), но почему-то не упоминает о том, что дважды, в 1810 и 1811 гг., царь собирался сам начать войну против Франции. Историк лишь указывает, что «в сентябре 1810 г. ... франко-русские отношения начали сползать к войне» (с. 102), а в начале 1812 г. было ясно, что, «упустив все шансы нанести успешный и упреждающий удар» (с. 198), Александр вынужден был принять на вооружение иную стратегию. При этом автор считает, что Александр I «мог мириться со многими неудачами и скрывать свою досаду, но делал это потому, что имел перед собой конечную цель – мир в Европе, которой надеялся достичь, минуя серьёзный кризис» (с. 102). В данном случае серьёзным кризисом как раз явилась бы русско-французская война, которую император дважды едва не начал.

Останавливаясь на стремлении Александра I поглотить Польшу, Ливен утверждает: «По-видимому, если бы его попытки установить контакт с поляками встретили радушный отклик, он мог бы обдумать возможность упредительного удара с целью захвата герцогства Варшавского и получения поддержки со стороны Пруссии, однако, в российских дипломатических и военных архивах не сохранилось свидетельств подготовки наступательных операций 1810 и 1811 гг.» (с. 146). Неужели автору неизвестно, что эти источники не только давно обнаружены, но столь же давно и опубликованы в материалах «Военно-учёного архива»? Памятником несостоявшейся наступательной войны против Франции предстают приказы Военного министерства, отданные в ожидании ратификации соглашения с прусским королём и перехода на сторону России Великого герцогства Варшавского. Эти приказы со ссылкой на Высочайшее повеление были разосланы 24, 27 и 29 октября 1810 г. военным министром М.Б. Барклаем де Толли начальникам корпусов, дислоцированных на западной границе России: генерал-лейтенантам П.Х. Витгенштейну, К.Ф. Багговуту, И.Н. фон Эссену 1-му и генералам от инфантерии П.И. Багратиону и Д.С. Дохтурову. Содержание приказов военный министр предписывал сохранять под «строжайшим и непроницаемым секретом», причём, с одной стороны, заверял командиров корпусов в том, что «нет никакой причины ожидать, что может случиться разрыв между нами и французами», а с другой – требовал держать вверенные им соединения в постоянной готовности к выступлению в поход; при этом они обязывались ждать условного известия от генерал-лейтенанта Витгенштейна о его переходе прусских границ, что должно было послужить для них сигналом¹¹. Но попытка эта сорвалась, как вследствие отказа прусского короля от ратификации царскосельских соглашений, так и по причине того, что письма российского императора польскому «молодому» другу с предложением самой широкой автономии и либеральной конституции Польше не сыграли той

¹¹ См.: Отечественная война 1812 года. Материалы Военно-учёного архива Главного штаба. Отдел 1-й. Т. V. СПб., 1904. С. 268–270, 302–304, 313–315.

роли, которая им предназначалась: противники поглощения Великого герцогства Варшавского Россией в лице в первую очередь кн. Юзефа Понятовского постарались не только нейтрализовать их действие, но и уведомить о содержании писем Александра I французскую сторону через поверенного в делах Франции в Варшаве барона Л.-П. де Биньона.

Кстати об источниках. Автору известно письмо Александра I императрице Марии Феодоровне перед Эрфуртским свиданием (с. 125–126), опубликованное Н.К. Шильдером ещё в 1899 г. в журнале «Русская старина», где император пишет, что «мы должны наращивать свои силы», но в связи с этим он не акцентирует внимания на том факте, что уже осенью 1808 г., т.е. через год после Тильзита, для Александра I война с Францией была в ближайшей перспективе очевидной реальностью.

Говоря о ситуации 1810 – начала 1812 г., Ливен подробно останавливается на деятельности графа А.И. Чернышёва (с. 134, 136–138). Он полагает, что «блестяще проведённые операции русской разведки» в Париже давали Александру I все основания ожидать нападения французов (с. 653). При этом следовало сказать, что Чернышёв лишь воспользовался связями российского поверенного в делах П.И. Убри, благодаря чему в короткие сроки было создано целое «бюро» по изготовлению извлечений из документов, составлявших государственную тайну. Чиновникам Военного министерства Франции за выполненную ими работу и за то, что ещё предстояло сделать, было выплачено 300 тыс. франков. Но с поличным были схвачены все, в том числе и швейцар российского посольства в Париже, у которого происходили свидания Чернышёва с чиновниками министерства. Все, кроме Чернышёва, которому удалось ускользнуть и окольным путём достичь Рейна, предварительно миновав Майнц и Кёльн, куда уже были посланы повеления о его задержании.

В официальной ноте, продиктованной самим Наполеоном, но не вручённой российскому послу в Париже, содержалась жалоба на действия Чернышёва: «Его величество глубоко огорчён действиями графа Чернышёва. Он с изумлением узнал, что человек, с которым всегда хорошо обходился, который проживал в Париже не в качестве политического агента, а как флигель-адъютант российского императора, аккредитованный особым письмом состоять при особе императора французов, имевший значение доверенного лица, более близкого, нежели посланник, воспользовался своим положением, употребляя во зло всё то, что считается самым священным. Его величество льстит себя надеждой, что и император Александр будет глубоко огорчён, когда усмотрит в поведении господина Чернышёва роль агента, действующего путём преступного подкупа, каковое деяние и международным правом, и законами чести осуждается. Его величество император приносит жалобу в том, что при его особе, при том в мирное время, под званием, внушавшим доверие, содержали шпионов, что позволительно только по отношению к врагу и во время войны. Он приносит жалобу в том, что шпионы выбраны были не из низкого сословия общества, но среди тех людей, кои по своему положению близко стоят к государю»¹². Наполеон не стал беспокоить по этому поводу российского посла, что придало бы делу официальный характер, и не упоминал об этом в переписке с Александром I. Вопрос был слишком щекотливым, чтобы хотя бы отчасти предавать его гласности и ставить союзника в неудобное положение.

¹² Correspondance de Napoléon I-er, publiée par l'ordre de l'Empereur Napoléon III. T. 24. P., 1868. № 18541.

Естественно, что такие «происшествия» не могли пройти бесследно и способствовали росту подозрительности между союзниками и общему ухудшению их взаимоотношений. Естественно также, что и французская сторона пользовалась услугами платных или бесплатных, по убеждениям, осведомителей и шпионов. Сомнений в этом возникать не должно, но крупных провалов, подобно чернышёвскому (а в случае с полковником Чернышёвым налицо не только успех, но и крупный провал, поскольку не надо доказывать, что в такого рода делах важно не только осуществить порученное, но и замести следы), у французской разведки не было. Кроме того, возникает вопрос: следовало ли прилагать такие усилия по добыванию полного расписания французской армии, если на протяжении войны в России вплоть до вступления Великой армии в Москву в тактико-стратегическом отношении оно не имело равным счётом никакого значения?

Касаясь продолжавшейся к тому времени с 1806 г. войны с Турцией и мира, подписанного в Бухаресте (с. 149), следовало бы сказать об одном обстоятельстве, весьма ускорившем его заключение, а именно о том, что во время переговоров М.И. Кутузов, склоняя турецких дипломатов к сотрудничеству, предъявил им талантливо изготовленное, вероятно, по его поручению, письмо Наполеона к Александру I, в котором речь шла о грядущем разделе Турции. Об этом писал ещё барон Агатон Фэн в своём фундаментальном труде о войне 1812 года. Важно отметить, что Ливен не упускает из виду такой существенный момент, как планы «сильной диверсии» в направлении Иллирии и Далмации силами Дунайской армии под командованием П.В. Чичагова, что явилось причиной назначения адмирала не только командующим Дунайской армией, но и Черноморским флотом. Автор прав, когда пишет, что «эти планы таили двойную опасность: до того момента было сложно осуществлять контроль над наместником императора из Петербурга, да и сам император Александр I мог увлечься грандиозными замыслами». Но, «к счастью, турки, в конце концов, ратифицировали договор, и к русским вернулось здравомыслие» (с. 254).

Главы, раскрывающие ход Отечественной войны 1812 года, написаны Ливеном с большим знанием дела. Помимо описаний отступления русской армии, взаимоотношений командующих и их штабных офицеров, многочисленных славных «дел», сражений, тягот походного быта, незаурядного героизма и стойкости простых солдат, им приводятся различные факты, дополняющие уже известную картину жизни русского общества. Конечно, он прав, когда пишет, что «ни один крестьянин не пошёл в армию добровольно», и «прежде всего потому, что требовался беззаветный патриотизм для того, чтобы прослужить в армии 25 лет при минимальных шансах получить унтер-офицерский чин» (с. 296). Известен, кстати сказать, единственный случай, когда крестьянин всё-таки проявил «беззаветный патриотизм» и пошёл в армию добровольцем. Это был дворовый человек смоленского помещика Павла Бельского Евтих Михеев, но из Дорогобужского рекрутского присутствия, куда он отлучился 22 июля 1812 г., не спросив позволения помещика, его тотчас препроводили в губернский город к городничему «для поступления с ним по законам»¹³. В предыдущих главах автор упоминает о том, что «крестьянское население России оказалось на несколько месяцев “под французами” и почувствовало, что значит быть свободными от барщины и оброка» (с. 197–198), но не разви-

¹³ Щукин П.И. Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года. Ч. 7. М., 1903. С. 53–54.

вает далее эту любопытную тему. Историк не отрицает того факта, что русское дворянство в 1812 г. руководствовалось верноподданническими побуждениями, но справедливо указывает, что «имели место и многочисленные примеры уклонения дворян от службы» (с. 303). Купечество же отнюдь не всегда «щедро жертвовало средства на военные нужды» (с. 301), ибо известны случаи, когда купцы записывали в соответствующие листы крупные суммы денег, обязуясь их внести, но потом, в 1813–1814 гг., их разыскивали «через полицию».

В главе «Бородино и падение Москвы» автор подробно останавливается на ошибках русского командования при создании оборонительных сооружений, отмечает, что укрепления на правом фланге «во многом оказались лишней тратой сил и времени», а также то, что «ни флеши, ни редут Раевского не были возведены при участии офицеров инженерного корпуса» (с. 268). Подробно останавливается историк и на действиях обеих сторон в генеральной баталии. Он, в частности, склонен считать гибель генерала А.И. Кутайсова главной причиной того, что русская артиллерия при Бородине действовала не столь эффективно, как артиллерия противника (с. 277), и полагает, что известный кавалерийский манёвр, предложенный в ходе боя главнокомандующему, был удачным и своевременным, склоняясь к официальной точке зрения, господствовавшей в историографии прошлого. Оценивая события, последовавшие за Бородинским сражением, Ливен справедливо подчёркивает, что при оставлении Москвы Кутузов «беспокоился о том, чтобы разделить с другими часть ответственности за решение, которое не могло не вызвать сильного негодования и неодобрения» (с. 284). Это обстоятельство ранее зачастую замалчивалось. Что касается грандиозного Московского пожара, то странно, что учёный обходит молчанием подробности организации этого действия, ограничившись лишь «сбалансированным» упоминанием о нём, возлагая вину за пожар на обе стороны и завершая характеристику этого события таким пассажем: «Что имело значение в то время, так это утвердившееся мнение о том, что во всём виноват Наполеон и что уничтожение города явилось громадной жертвой со стороны патриотически настроенной части русского общества, в том числе в деле освобождения Европы» (с. 286–287, 315).

Говоря о причинах неудачи французского императора в России, Ливен считает, что «в 1812 г. Наполеон не сумел понять общество и политику России и не воспользовался слабостями внутриполитического устройства страны» (с. 655). При этом автор отмечает, что «для Наполеона кампания 1812 г. была кабинетной (?) войной, которая преследовала строго ограниченные политические цели» (с. 239), т.е. проще говоря, Наполеон не собирался вмешиваться во внутренние дела своего недавнего союзника, отменяя крепостное право. Он не раз заявлял, что становиться «королём Жакерии» он ни при каких обстоятельствах был не намерен, и в этом отказе всегда был последователен.

Главы, посвящённые переносу военных действий за пределы Российской империи и коалиционным войнам 1813–1814 гг. в Европе, занимают у Ливена около половины его большой книги. Картины дипломатических переговоров с целью заключения коалиционных соглашений до Плейсвицкого перемирия и выработки единых условий мирного соглашения, которые предъявлялись французской стороне после того, как срок перемирия истёк, перемежаются с военными действиями. При этом как дипломатические, так и военные обстоятельства рассматриваемых событий во многом определялись Александром I, который не остановился бы перед заменой Кутузова Л.Л. Беннигсеном, как он

писал о том в одном из писем в Петербург, если бы главнокомандующий и далее продолжал считать, что русской армии в Европу ходить нет нужды. Император требовал от своей армии полномасштабного участия в войне с тем, чтобы обе германские державы на деле присоединили свои силы к коалиции (с. 379). Более того, в заботах о привлечении союзников в коалицию, «сосредоточив всё внимание исключительно на разгроме Наполеона, Александр низводил политику России до уровня Османской империи и Персии и даже позволял принести в жертву исторические интересы России для того, чтобы задобрить австрийцев и англичан» (с. 375). Как подчёркивает Ливен, «временами Александру приходилось почти что насильно тянуть их за собой, заставляя их послужить на благо собственным и европейским интересам» (с. 657). Автор подчёркивает, что «без Александра I Лейпцигское сражение было бы проиграно» и что результатами «битвы народов» российский император наконец-то был вознаграждён за катастрофу, постигшую его при Аустерлице (с. 573).

Та же политика продолжалась и во время кампании во Франции. Д. Ливен пишет: «Вовсе не выражая единодушный взгляд правящих кругов России, по ряду ключевых вопросов император оказывался в значительном меньшинстве» (с. 583), но тем настойчивее продолжал он оказывать влияние на текущие военно-дипломатические дела. Его не стесняло «с трудом подавляемое разочарование» со стороны лиц из его окружения. В начале 1814 г. подобное чувство разочарования испытывали многие в лагере коалиции. Как подчёркивает историк, «Александр I казался им не просто властным человеком: они считали, что порой он движим сугубо личными и мелочными соображениями». Со ссылкой на впечатление лорда Р.С. Каслри Ливен пишет о некоей «рыцарственной тональности», в которой император был склонен продолжать войну, поскольку, в отличие от всех политических и военных комбинаций, «кажется, ищет случая войти вместе со своей великолепной гвардией в неприятельскую столицу, – возможно, для того, чтобы в силу свойственных ему милосердия и снисходительности явить тем самым контраст по отношению к уничтожению Москвы» (с. 585). По формулировке Ливена, в 1814 г. «свою роль победителя и мирноосца он видел как личный апофеоз» (с. 585).

Как пишет автор в главе «Падение Наполеона», союзники старались предоставить самим французам возможность высказаться в пользу того или иного претендента на престол, а «два дня спустя Александру в разговоре с роялистски настроенным государственным деятелем пришлось признать, что общественная поддержка в пользу реставрации была гораздо сильнее, чем он мог себе вообразить. Так что уже 31 марта 1814 г. К.В. Нессельроде вёл переговоры с Талейраном для того, чтобы заручиться его поддержкой в деле свержения Наполеона и замены его правления устойчивым режимом – легитимным в глазах французов и стремящимся к мирному урегулированию» (с. 642). В данном случае историк без особой нужды лишний раз повторяет, что «выбирать предстояло самим французам» (с. 643). Вопрос о форме правления и претенденте на престол был решён уже давно. Все разговоры о приемлемости республиканской формы правления или возможности вступления на французский престол Бернадота являлись чистой воды кокетством, и правы оказались те парижане, которые в белых повязках на рукавах союзных военных (для того, чтобы со стороны легче различать своих и чужих) по недоразумению усмотрели вящее указание на цвет лилий династии Бурбонов. В связи с этим автор пишет, что «лишь дезертирство из наполеоновской армии корпуса маршала Мармона

положило конец сомнениям Александра и окончательно решило вопрос о реставрации монархии» (с. 644), поскольку обнажило тот факт, что «даже армия – главный оплот Наполеона была раздираема противостоянием» (с. 650). Однако в данном случае говорить о дезертирстве корпуса не приходится, ибо, когда преданные Наполеону солдаты, не зная, куда их ведут по приказанию маршала, оказались в расположении войск союзников, они едва не взбунтовались, и офицерам стоило немало усилий, чтобы сохранить строй и дисциплину. Что касается того, что армия «была раздираема противостоянием», достаточно вспомнить «Сто дней» 1815 г. и шествие Наполеона от залива Жуан до Парижа, которое произошло без единого выстрела. Автор, кстати, пишет, что, покинув в 1815 г. о. Эльба, Наполеон якобы «пытался уничтожить результаты мирного урегулирования 1814 г.» (с. 650). Едва ли это соответствует действительности, поскольку сразу по прибытии в Тюильри в марте 1815 г. Наполеон обратился к иностранным государям с предложениями мирных переговоров.

Несколько слов о переводе книги Д. Ливена на русский язык. В ноябре 2012 г. мне довелось ознакомиться с переводом этой монографии на французский язык. Сравнение перевода одних и тех же текстов на разные языки вполне правомерно, и мне представляется, что французский вариант много лучше, чем русский; во всяком случае, он читается без особых трудностей, а это значит, что сложный авторский текст хорошо отредактирован. В русском же переводе этой серьёзной книги встречаются такие фразы, которые научный редактор не должен был пропустить. Такие выражения, как «спихнуть ответственность» (с. 284), «самый волнительный период его жизни» (с. 446), «Меттерних втирал союзникам очки» (с. 463) или «схлестнуться с основными силами коалиционной армии» (с. 608) едва ли, по моему мнению, могут присутствовать в научной монографии. Правильно было бы употребить выражения «сложить ответственность», «волнующий», «вводил в заблуждение» и «сразиться». Непонятной остаётся фраза об ополченцах, присоединённых к русской армии перед Бородинским сражением: «Никто из них никогда не стрелял, будучи охвачен гневом» (с. 272). В переводе встречаются такие выражения, как «скарб» (с. 506, 507) вместо «обоз», «независимое боевое соединение» (с. 508) вместо «самостоятельного» или «вояки» (с. 522) вместо «воины». Задаёшься вопросом, почему английское слово *the aggression* непременно надо переводить как агрессия, а не предприимчивость или энергичность: «лишь у Блюхера имелся необходимый для победы запас агрессии» (с. 622). Не может быть признан удовлетворительным перевод и такой фразы, где речь идёт об историографии противостоявших друг другу в 1813–1814 гг. сторон: «то, что произошло на самом деле, теряется в нестройном шуме французского и немецкого патриотизма и мачизма» (с. 623).

Переводчику, как общепринято, должна быть в общих чертах знакома эпоха и отдельные её сюжеты, а обращение к словарям, в том числе и биографическим, в ряде случаев просто необходимо. Между тем, в переводе встречаются такие огрехи, как «Эдмунд Бурке» (с. 113) вместо Бёрка и «Фабиус» (с. 138) вместо известного Фабия Максима Квинта – римского государственного деятеля и полководца, имевшего прозвище Кунктатор (Медлитель). Не следовало бы пренебрегать и указанием имён и титулов известных особ, а не писать не слишком вразумительное: «В распоряжение Вюртембергского поступила большая часть его собственного 2-го корпуса» (с. 502, 558).

В заключение рискую вызвать на себя шквал критики, но мне лично представляется, что как таковой России не было нужды побеждать Наполеона в

1812–1814 гг.; но это было жизненно необходимо именно Александру I, который, подписав Тильзитский мир, ни на мгновение не оставлял мысли о грядущем реванше: он потерпел поражение при Аустерлице, поражение, позорное лично для него, поскольку после катастрофы, когда началось паническое бегство, в ходе которого царь и его союзник Франц II потеряли друг друга из виду, Александру ввиду полного упадка сил не удалось скрыть от окружающих его придворных свой неприглядный облик, моральное и физическое состояние, включая рвоту и прочие желудочные проблемы. Именно лицемерие и жажда реванша, а также «упрямая настойчивость, которую ничто не могло сломить» (с. 102) двигали всеми побуждениями и поступками российского императора до и после Тильзита, определили и весь его последующий образ мыслей и действий, включая попытки развязать войну уже в 1810 г. (т.е. ещё до того, как Великая армия на деле стала формироваться), а также декларируемую им «наущную необходимость подписания продолжительного и гарантированного мира» непременно в Париже. Император французов, как справедливо пишет Ливен, «возможно, и размышлял о том, чтобы стереть Пруссию» с лица земли в 1806–1807 гг., но в 1812 г. «он полагал, что уничтожение Российской империи не было ни в его силах, ни в его интересах» (с. 294). Поэтому, добавлю уже от себя, после вторжения в Россию он не раз обнаруживал поползновения начать переговоры о мире. Автор констатирует: «Вовсе не желая свергать Александра с трона или погружать Россию в пучину революции и хаоса, Наполеон хотел, чтобы император согласился на условия мира и затем сделал их обязательными для русского общества. Отчасти по этой причине он в ходе кампании 1812 г. подчёркивал своё уважение к Александру и выставлял напоказ своё видение событий, согласно которому истинным поджигателем войны была Великобритания и её тайные агенты в кругах петербургской знати» (с. 294).

При встрече с пленным генералом П.А. Тучковым, которому была возвращена шпага, Наполеон недвусмысленно дал понять, что с его стороны дорога к переговорам открыта; сказанное подтверждают и письма императора, посланные в Петербург из Москвы при посредстве генерал-майора И.А. Тутолмина и отца Герцена И.А. Яковлева. Король Неаполитанский также делал шаги к завязыванию переговоров, благодаря чему, собственно, и удалось установить, а затем и продлить своего рода перемирие перед вступлением французов в Москву, с тем чтобы не препятствовать вывозу обозов с имуществом и выезду москвичей, собиравшихся покинуть первопрестольную столицу. Всё это могло найти отражение в книге Д. Ливена, но историк предпочёл предложить читателю новый, весьма любопытный, своего рода европейский взгляд на события 1807–1814 гг., который, безусловно, должен всесторонне учитываться при дальнейшем изучении течения и коллизий выдающейся своими военно-дипломатическими свершениями эпохи.

Любовь Мельникова: Александр I и его война (личность на фоне эпохи)

Главным героем новой книги британского учёного Доминика Ливена, условно, является российский император Александр I. Не случайно С.Н. Искюль высказал упрёк, что название монографии находится в некотором противоречии с её содержанием: «Скорее, не Россия, а Александр I против Наполеона». Однако позволю себе всё же не согласиться с Сергеем Николаевичем. Во-первых, в обобщающем труде Д. Ливена есть много сюжетов, не

связанных напрямую с русским императором, во-вторых, Александр как глава государства, творец российской внешней политики, создатель и лидер 6-й антинаполеоновской коалиции имеет полное право занять в нём центральное место, даже не будучи вынесенным в заглавие, наконец, в-третьих, название «Александр I против Наполеона» вынуждало бы автора проводить сравнительный анализ личностей и деяний двух монархов, уделяя им практически равное внимание, что не являлось его непосредственной задачей.

Думаю, что историография темы за последние 100 лет уже несколько отучила читателей от мысли, что в книге о наполеоновских войнах может быть «так много» Александра I. После А.И. Михайловского-Данилевского, М.И. Богдановича и Н.К. Шильдера таких работ практически не было. Советские историки, не привыкшие писать положительно о монархах, при освещении Отечественной войны предпочитали вооружаться небесспорной характеристикой Александра, приписываемой А.С. Пушкину: «Властитель слабый и лукавый..., нечаянно пригретый славой». Такое предвзятое отношение к русскому императору стало одной из главных причин того, что кампании 1813–1814 гг., по выражению Д. Ливена, оказались «забытыми» российскими исследователями. Западноевропейским учёным, пишущим в соответствии с традициями своих национальных историографий, и вовсе не было нужды прославлять Россию и её императора. В результате по мере того как образ Наполеона героизировался, а его и без того немалые таланты ещё более преувеличивались, с Александром произошло прямо противоположное: его непосредственная роль в разгроме Наполеона стала умаляться и даже практически подверглась забвению. Поэтому одной из главных заслуг монографии Д. Ливена, на мой взгляд, является «реабилитация» выдающегося вклада российского императора в достижение победы, что, несомненно, возвращает нас к исторической истине. «Личность Александра, – подчёркивает историк, – сыграла решающую роль в том, как Россия ответила на вызов, брошенный ей Наполеоном» (с. 100).

Одним из наиболее дискуссионных вопросов в историографии наполеоновских войн является следующий: нужно ли было русской армии после 1812 г. идти в Европу? Иными словами, действительно ли освобождение Германии и окончательное низложение Наполеона соответствовали интересам России или же их причиной стала личная прихоть русского царя? Как известно, мнение современников по этому поводу также не было однозначным. Упорство и последовательность в этом вопросе российского императора исследователи часто объясняют его непомерным честолюбием и жадой взять реванш за поражение под Аустерлицем и позорный Тильзитский союз. Вот и С.Н. Искюль говорит о том, что «как таковой России не было нужды побеждать Наполеона в 1812–1814 гг.; но это было жизненно необходимо именно Александру I», руководствовавшемуся «лицемерием и жадой реванша». Конечно, между Александром и Наполеоном в течение 10 лет существовало определённое соперничество, и совсем сбрасывать этот элемент со счетов было бы неверно, однако придавать ему слишком большое, едва ли не исключительное значение, – значит трактовать историю, и прежде всего самого Александра, слишком упрощённо. Российский император был дальновидным, талантливым политиком и при принятии стратегических решений никогда не руководствовался лишь личными мотивами.

Доминик Ливен это прекрасно понимает. Стремление Александра I продолжать войну в 1813–1814 гг. он оценивает так: «Устранить исходившую от

противника угрозу значило вывести боевые действия за пределы своей собственной страны... Александр действовал подобным образом, руководствуясь в первую очередь справедливым соображением о том, что этого требовали интересы России – империи, государства и народа... Для России в 1812–1813 гг. главным было положить конец влиянию Наполеона в Германии. До тех пор пока Наполеон удерживал контроль над Германией, он был гораздо могущественнее Александра... Таким образом, Россия не могла обеспечить свои жизненно важные экономические интересы и безопасность» (с. 657–658). Главным мотивом Александра I в пользу вторжения во Францию и свержения Наполеона в 1814 г. Ливен справедливо считает уверенность императора в том, что «пока Наполеон находится у власти, нельзя ручаться ни за стабильность положения Германии, ни за мир в Европе. Ключевым моментом являлась убежденность Александра I в том, что безопасность России и Европы были взаимосвязаны» (с. 658).

В том, что война должна закончиться в Париже окончательным низвержением Наполеона, Александр был убежден ещё до её начала. Ведь стратегическая концепция будущей войны, разработанная императором совместно с военным министром М.Б. Барклаем де Толли, изначально была рассчитана на три года (1812–1814) и предусматривала ведение военных действий сначала на русской территории, призванной, по выражению автора, «истощить силы Наполеона» (с. 655), а затем – в Западной Европе, где планировалось создание новой антинаполеоновской коалиции. Военные действия 1812–1814 гг. предстают у Ливена в тесном единстве. Для него это одна большая война, состоявшая из нескольких кампаний: 1812, 1813 и 1814 гг. По сути, так оно и было. Сейчас уже почти общепризнанно, что разделение одного большого противостояния на Отечественную войну 1812 года и Заграничные походы русской армии 1813–1814 гг. искусственно и условно. Кампания 1812 г. получила в российской историографии почётное название Отечественной войны в силу своей особой значимости для нашей истории (Россия на своей территории в одиночку сражалась с непревзойдённым военным гением мира и полностью истребила его Великую армию), а также наличия целого ряда специфических особенностей, прежде всего – феномена народной и священной войны; однако в своём стремлении пересмотреть традицию современные исследователи иногда доходят до крайностей: в частности, утверждают, что в 1812 г. Россия не победила Наполеона. Например, В.С. Парсамов со ссылкой на героя своих исследований Жозефа де Местра пишет, что «Кутузов в 1812 г. не победил Наполеона, а лишь проводил его до границы», поскольку «война всегда заканчивается миром», а «никакого мира и даже перемирия с Наполеоном в 1812 г. подписано не было». Действительно, любая война, как правило, заканчивается подписанием мира или капитуляцией, но к военной кампании это относится не всегда. Тем не менее, военная кампания, как и сражение, может иметь три результата: победу, проигрыш или ничью. В случае с «Русской кампанией Наполеона» результат, по-моему, более чем очевиден. Наполеон потерял почти всю свою армию, и, бросив её жалкие остатки, бежал во Францию. Что касается мира, то, как известно, в 1812 г. французский император просил его неоднократно, однако в планы Александра примирение с ним не входило. Даже после освобождения территории России Александр не захотел мира с Наполеоном, потому что ещё не достиг окончательной цели, а лишь выполнил первый пункт своей предвоенной программы. Кстати, в деле общего и окончательного разгрома Наполеона, завершившегося, разумеется, в 1814 г., кампании 1812 г. Д. Ливен придаёт

очень существенное значение. «Большим вкладом в победу коалиции, – пишет он, – стало то, что наполеоновская армия была уничтожена в 1812 г. и что в 1813 г. французскому императору пришлось сражаться, имея более молодые и хуже обученные войска» (с. 657).

Историки часто цитируют фразу Александра I, сказанную им посланнику М.И. Кутузова полковнику А.Ф. Мишо после оставления русской армией Москвы: «Наполеон или я, я или он, но вместе мы не можем царствовать»¹⁴, однако объясняют её всё тем же честолюбием и соперничеством. На мой взгляд, она имеет гораздо более глубокий смысл. Александр и Наполеон действительно не могли царствовать «вместе», т.е. одновременно. Оба они стояли во главе могущественных империй, по складу характера оба были лидерами, но при этом являлись полными антиподами и имели разное представление о европейском порядке. Казалось бы, оба императора хотели одного и того же – реализовать идею «объединённой Европы», однако сделать это стремились по-разному. Наполеон путём завоеваний и политики силового давления пытался создать собственную общеевропейскую империю; Александр же хотел сохранить систему «европейского равновесия» и обеспечить мир и коллективную безопасность путём созыва международных конгрессов и совместного обсуждения ключевых проблем. После низвержения Наполеона Александр стал главным творцом Венской системы международных отношений и выступил инициатором создания Священного союза, воспринимаемого некоторыми современными исследователями как прообраз современного Евросоюза. В этой связи очень важным мне представляется подзаголовок книги Д. Ливена «Борьба за Европу», говорящий о том, что речь в ней идёт не только о военных столкновениях эпохи 1812 года, но и о борьбе за влияние на Европу двух императоров. Если бы британский учёный не остановил своё повествование на взятии Парижа, а довёл его до 1815 г., то исследование выглядело бы более завершённым.

Доминику Ливену удалось создать многогранный образ Александра I и проанализировать события 1812–1814 гг. с разных сторон – военной, дипломатической и экономической. При этом ещё одна важная сторона войны, также тесно связанная с личностью российского императора и проводимой им политикой, к сожалению, оказалась раскрыта недостаточно – идеологическая, в том числе духовно-религиозная составляющая. Ведь Отечественная война 1812 года и Заграничные походы русской армии 1813–1814 гг. были не только военно-политической борьбой государств, но также столкновением разных цивилизаций и мировоззрений. Поэтому и Александр, и Наполеон, наряду с военными действиями и дипломатическими переговорами, большое значение придавали так называемой «войне перьев», т.е. пропаганде. В 1806–1807 гг. и в 1812–1814 гг. российский император блестяще организовал и провёл две антинаполеоновские пропагандистские кампании, в ходе которых ему удалось настроить против Наполеона общественное мнение как в России, так и в Западной Европе.

Суть военной пропаганды сводилась к тому, чтобы объяснить армии и народу смысл и цели войны, сплотить их на борьбу с врагом, а также попытаться склонить на свою сторону солдат противника. Важное место в распространявшейся информации занимал «образ врага». При его характеристике русская антинаполеоновская пропаганда всегда опиралась на реальные исторические

¹⁴ Шильдер Н.К. Император Александр I. Его жизнь и царствование. Т. 3. СПб., 1904. С. 510.

факты, но при этом, по законам жанра, часто использовала различные приёмы преувеличения (гипербола, гротеск, ирония). В создании негативного «образа врага» (или «чёрной легенды» о Наполеоне) принимали участие правительство, православное духовенство, поэты, художники и публицисты. Активная позиция Церкви, осознававшей и преподносившей народу войну с Наполеоном как противостояние православной России и «безбожной», «дехристианизированной» в результате революционных потрясений Франции, придавала происходившему религиозный колорит и сакральный смысл. В результате одной из характерных черт антинаполеоновской пропаганды стала «демонизация» личности французского императора, сравниваемого, а порой и отождествляемого, с Антихристом. В противовес этому тёмному образу в сознании современников постепенно сформировался светлый, «ангельский» образ Александра I как правителя, которому Провидением предназначено остановить злодеяния Наполеона и освободить от него Европу¹⁵.

Многие современники действительно восприняли победу над Наполеоном прежде всего как результат действия Божественного промысла. Сам Александр I, познавший, по его собственному признанию, в 1812 г. Бога, в данное время был сильно подвержен религиозным настроениям. На реверсе медали, учреждённой в память победы в Отечественной войне, он распорядился поместить библейскую фразу «Не нам, не нам, а имени Твоему» вместо предполагавшегося по традиции собственного портрета¹⁶. Совместным решением Государственного совета, Сената и Святейшего Синода Александру был присвоен титул «Благословенный», а главными памятниками победы стали Храм Христа Спасителя, сооружённый в Москве по решению императора «в ознаменование благодарности... к промыслу Божию, спасшему Россию от грозившей ей гибели»¹⁷, и Александровская колонна на Дворцовой площади Санкт-Петербурга, которую венчает фигура ангела с крестом в руках, подчёркивающая сакральный смысл войны и священный характер победы. В историческую и культурную память русского народа борьба с Наполеоном прочно вошла не только как Отечественная, но и как священная война¹⁸.

Конечно, нельзя сказать, что идеологические и религиозные вопросы совсем не нашли отражения в книге британского учёного. Например, он указывает, что Церковь «была главным идеологическим союзником» правительства «на поприще организации массового сопротивления захватчикам», упоминает воззвание Святейшего Синода 1812 г., не без иронии отмечая, что духовенство «с большим удовольствием бичевало Антихриста» (с. 301). Характеризуя моральную подготовку русской и наполеоновской армий к Бородинскому сражению, Д. Ливен кратко рассказывает о молебне русских перед Смоленской иконой Божией Матери и справедливо подчёркивает, что «французская армия образца 1812 г., напротив, носила всецело светский характер» (с. 272). Однако,

¹⁵ Подробнее см.: Мельникова Л.В. Русская Православная Церковь в Отечественной войне 1812 года. М., 2002; она же. Армия и Православная Церковь Российской империи в эпоху наполеоновских войн. М., 2007; она же. Православная Россия против «безбожной» Франции: священная война императора Александра I // Российская история. 2012. № 6. С. 103–116; она же. Ангел и демон: Александр и Наполеон в восприятии современников // Родина. 2012. № 6. С. 74–76.

¹⁶ Бартошевич В.В. В брани с Наполеоном. Нумизматические очерки. Киев, 2001. С. 8.

¹⁷ ПСЗ-І. Т. 32. № 25296.

¹⁸ Подробнее см.: Отечественная война 1812 года в культурной памяти России / Мельникова Л.В., Голубев А.В., Аурова Н.Н., Подмазо А.А., Голубев А.В., Аурова Н.Н. М., 2012.

вскользь касаясь подобных вопросов, автор не развивает тему дальше, тут же переключаясь на другие, более интересные для него сюжеты.

Разумеется, в одной книге невозможно объять необъятное. И каждый учёный имеет право разрабатывать те проблемы, которые входят в сферу его научных интересов. Тем не менее, если бы Доминик Ливен, наряду с военной, дипломатической и экономической сторонами войны, так же мастерски рассмотрел и её духовно-идеологическую составляющую, это, без сомнения, украсило бы его блестящее исследование, и тогда перед читателями предстала бы по-настоящему полная, цельная картина славной эпохи 1812 года.

Лидия Ивченко: В оппозиции «наполеоновскому мифу»

Книга Доминика Ливена – это принципиально новый в западной историографии взгляд на роль России в наполеоновских войнах. Британский исследователь не только высоко «поставил планку» для своих зарубежных коллег, если они в будущем обратятся к этой теме, но и внёс значительный вклад в современную российскую историографию, в последнее время явно тяготеющую к «наполеоновской легенде». Предельным выражением этой тенденции можно считать позицию Н.А. Троицкого: «Глубина и неоспоримость марксовой оценки всех войн против наполеоновской Франции для меня очевидны. Речь идёт именно обо всех этих войнах, включая самые агрессивные, самые несправедливые со стороны Наполеона – с Испанией в 1808–1813 гг. и с Россией в 1812 г. По большому счёту, испанцы и россияне защищали тогда от Наполеона не только свою национальную независимость. Испанцы защищали от Кодекса Наполеона (Code Napoleon), бывшего тогда в оценке (совершенно справедливой) того же Маркса, “бесконечно выше всех существовавших кодексов”, феодально-клерикальный режим, королевский абсолютизм, инквизицию, а россияне – царское самодержавие и крепостное право... Вторгаясь в чужие страны, разоряя их контрибуциями, Наполеон уничтожал в них и феодальную рухлядь». По этой причине саратовский историк согласился с А.К. Дживилеговым, утверждавшим, что «битву при Ватерлоо проиграло человечество», иронизировавшим над «тщеславным решением Александра “освободить Европу”» и оценившим режим Священного союза как «реставрационную вакханалию» и «щит феодальной реакции»¹⁹.

В противоположность такому взгляду Ливен пишет: «Опыт наполеоновских войн – в области экономики, равно как и военного дела – не дал ничего для того, чтобы оправдать идею империи внутри Европы в глазах европейцев» (с. 152). «Для Александра безопасность России и безопасность Европы были неразрывно связаны. Претендент на роль императора Европы (Наполеон. – Л.И.) пытался повернуть вспять столетия истории... Россия победила не из-за снега или превосходства в ресурсах. Она прежде всего победила благодаря своим лидерам – я имею в виду в первую очередь Александра I, разработавшего разумную генеральную стратегию, которая отталкивалась от сильных сторон России и использовала слабые стороны Наполеона. Ключом к этой стратегии было гораздо более разумное, чем у Наполеона представление о пределах эффективности военной мощи и понимание связи между войной и дипломатией».

¹⁹ Троицкий Н.А. Антинаполеоновские коалиции 1813–1815 гг.: смысл, цели, характер // Доклады Академии военных наук. Военная история. 2004. № 12. С. 72–73, 77.

На мой взгляд, эта концепция была принята во внимание В.М. Безотосным – единственным российским исследователем, кто смог привести в исполнение идею создания обобщающих трудов по Отечественной войне 1812 года²⁰. К тому времени на Западе монография Ливена вышла уже дважды. Ранее автор сформулировал её основные положения в содержательной статье, где тактично, но очень убедительно указал на недостатки российской историографии²¹.

Особый интерес представляет для нас интерпретация событий 1812 г. Конечно же, в монографии Ливена не встречается пассажей, подобных тем, что можно обнаружить в труде его соотечественника Ч. Исдейла, когда тот рассуждает о природе стойкости русских солдат при Бородине: «Русские войска были доведены до такого звероподобного состояния, что они просто не могли бежать по своему почину – как писал свидетель-британец: “У них, взятых из рабства, нет и мысли о том, чтобы действовать по своему разумению, когда рядом кто-нибудь из начальства”». Вследствие этого французы столкнулись с упорнейшим сопротивлением»²². Причём «свидетелем-британцем», на которого сослался Исдейл, оказался другой британский автор А. Палмер, широко использовавший в своей работе французские источники²³, к которым Ливен относится с большой осторожностью: «Что касается французских источников, то взгляд на армию или кампанию глазами противника таит в себе очевидную опасность. Несомненно, что французские офицеры обычно писали рапорты или мемуары с целью добиться повышения по службе, потешить самолюбие, стяжать славу или оправдать свои действия... В равной степени полезно было возложение вины за поражение на казаков или погодные условия. Поскольку у французской армии не было казаков, а погода явилась “несправедливым” деянием Господа, ни одному французскому офицеру не приходилось опасаться, что, указывая на подобные причины неудачи, он ставил под сомнение свою собственную храбрость или профессиональные качества» (с. 40). Исследователь «не пошёл на поводу» даже у авторитетного К. Клаузевица, участника событий, описанных им в знаменитом сочинении «1812 год»: «При чтении Клаузевица мне на ум приходят параллели с высококвалифицированным штабным офицером французского движения Сопротивления в Лондоне в 1940–1944 гг. Такой офицер, возможно, мог написать ряд замечательных поправок к стандартным представлениям о военной деятельности Великобритании, но было бы удивительно пытаться осмыслить историю войны, глядя на неё лишь глазами этого офицера» (с. 41).

Ливен очень подробно остановился на вопросе о готовности России к войне в 1812 г. Прежде всего она определялась политическим союзом, связывавшим монархию Романовых с классом крупных и мелких землевладельцев и обеспечивавшим регулярный приток офицеров в армию (с. 101). Русские солдаты обходились государству дешевле, чем в европейских армиях: они были неприхотливы в еде, порой сами шили одежду и обувь, умели изготавливать патроны. «Система ежегодного набора рекрутов давала возможность российской армии

²⁰ *Безотосный В.М.* Наполеоновские войны; *он же.* Россия и Европа в эпоху 1812 года...; *он же.* Все сражения русской армии 1804–1814. Россия против Наполеона. М., 2012.

²¹ *Ливен Д.* Россия и разгром Наполеона // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Вып. VI. Сборник материалов к 200-летию Отечественной войны 1812 года. Труды ГИМ. М., 2007.

²² *Исдейл Ч.Дж.* Наполеоновские войны. М.; Ростов н/Д., 1997. С. 387.

²³ *Palmer A.* Russia in War and Peace. L., 1972.

оставаться крупнейшей и самой дешёвой в Европе, не возлагая при этом непосильных тягот на население» (с. 66). Историк делает вывод: прогрессивная система воинской повинности, принятая во Франции и в Пруссии, была несовместима с обществом, основанным на крепостном праве, однако в начале XIX в. эта проблема ещё не проявила себя так, как в годы Крымской войны 1853–1856 гг.

Британский исследователь анализирует сильные и слабые стороны кадрового состава российской армии, акцентируя внимание на особенностях, которые обычно не принято замечать: «Романовы стояли во главе многонационального государства, что само по себе не было уникальным явлением, но в российской армии, возможно, было больше выходцев из других стран, чем в австрийской или прусской... Менее половины носили славянские фамилии» (с. 63–64). Характеризуя достоинства штабных офицеров нерусского происхождения, британский учёный, на мой взгляд, всё же недооценивает «старые кадры», сформировавшиеся в царствование Екатерины II: «слабой стороной являлось высшее командование российской армии» (с. 181). Но ведь то же самое можно сказать и о французских маршалах, не блиставших в отсутствие Наполеона стратегическими талантами. Сам автор приводит примеры их непоправимых ошибок: маршал Н. Удино уступил инициативу генералу П.Х. Витгенштейну под Полоцком, маршал Л.Н. Даву упустил армию кн. П.И. Багратиона под Дашковкой. Даже декабрист М.И. Муравьев-Апостол высказался в пользу «старых кадров»: «Батюшка нам говорил, что мы никогда не поймём громадного переворота, совершившегося у нас в России со вступлением Павла I на престол. Наши начальствующие генералы 1812 г. принадлежали царствованию Екатерины II; обхождением и познаниями они резко отличались от alexandrovских генералов»²⁴.

Более всего сомнений вызывают у Ливена военные дарования главнокомандующего 2-й Западной армии кн. Багратиона. Между тем именно он протестовал против опасного размещения трёх русских армий вплотную к западной границе. Он же указывал на несомненное обстоятельство: неприятелю в значительных силах достаточно просто пересечь границу, чтобы отрезать его армию от 1-й Западной армии М.Б. Барклая де Толли. Мнение «невежественного» генерала игнорировалось, но события развернулись именно так, как он предсказывал: нашим войскам пришлось достигать соединения ценой огромных усилий. Именно эту задачу они и выполняли на протяжении первого месяца войны, а отнюдь не заманивали в глубь страны неприятеля, согласно глубоко продуманному плану, как утверждал потом Барклай де Толли. Багратион же был полностью дезориентирован, получив приказ, по его собственному выражению, «бить неприятельский тыл и фланг какой-то». Однако «слепой противник ретирад» принял самостоятельное решение отступать в глубь России, чем «спас армию и даже не был расстроен»²⁵.

Несмотря на некоторую непоследовательность нашего командования, проявленную в начальный период войны, можно согласиться с Ливеном в том, что оборонительная стратегия последовательно владела умами Александра I, Барклая де Толли и, конечно, Кутузова. Вместе с тем, подробно проанализировав «Записку об обороне западных границ» Барклая де Толли, историк отмечает:

²⁴ Воспоминания и письма М.И. Муравьева-Апостола // Мемуары декабристов. Южное общество. М., 1982. С. 167–168.

²⁵ 1812 год в воспоминаниях современников. М., 1995. С. 85.

«По каким-то причинам Барклай ничего не сказал о том, что может произойти в случае прорыва оборонительной линии между Двиной и Днепром» (с. 187). Вопреки распространённому в историографии «романтическому» мнению, что Барклай де Толли осуществлял свой собственный план²⁶, «продуманный глубоко», по выражению А.С. Пушкина, исследователь убеждён: «В любом случае окончательный выбор стратегии оставался не за Барклаем, а за императором» (с. 193). В доказательство он приводит письмо Александра I Фридриху Вильгельму III, датированное маем 1811 г.: «Мы вынуждены принять стратегию, которая имеет наибольшие шансы на успех. Мне кажется, что эта стратегия должна состоять в том, чтобы осторожно избегать крупных сражений и создавать очень протяжённые линии оперативной связи, способные обеспечить отступление, конечной целью которого будут укреплённые биваки, где особенности естественного рельефа местности и предварительные инженерные работы помогут нам укрепить силы, которые мы противопоставим мастерству противника. Это тот самый план, который принёс победу Веллингтону, сумевшему измотать французскую армию, и именно ему я принял решение следовать» (с. 147). Здесь упомянуто имя полководца, о котором почему-то до сих пор не принято упоминать в отечественной историографии, как вообще не принято анализировать влияние опыта войны на Пиренеях на события в России (аналогии, как правило, исчерпываются упоминаниями об испанской «герилье»).

Ливен отметил и другое немаловажное обстоятельство – наша оборонительная стратегия оправдывалась не только военными соображениями: война на своей территории обуславливалась «политической и финансовой логикой переживающего бюджетный дефицит государства». Именно в этом случае император мог обращаться к подданным с просьбой о добровольных пожертвованиях, которые, как показал исследователь, сыграли очень важную роль в войне.

Особую актуальность в настоящее время приобрело отношение к полководческим способностям М.И. Кутузова. В отличие от Н.А. Троицкого, полагавшего, будто этот полководец не оказал никакого влияния на подготовку к войне с Наполеоном в 1812 г., Ливен признаёт, что, разбив турецкую армию осенью 1811 г. при Слободзее, Михаил Илларионович «внёс один из своих самых выдающихся вкладов в войну 1812 г. ещё до того, как она успела начаться» (с. 149). Вместе с тем автор несомненно прав, отмечая, что «главной проблемой Кутузова являлся его возраст», обуславливавший его осторожность. В то же время, по мнению Ливена, «русский главнокомандующий имел все основания избегать решительных сражений с Наполеоном, в которых ключевую роль всегда играла пехота» (с. 333). Историк не стал уличать фельдмаршала в излишней медлительности и в том, что он привёл к западной границе сильно поредевшую от морозов армию. Задержки в продвижении армии и отставание обозов Ливен объясняет и несовершенством средств коммуникации, и неясностью (которая могла продолжаться довольно долго), по какой именно дороге двинется отступающий неприятель. В этом случае возникала угроза, что продовольствие может попасть в его руки. Отмечая, что упустив Наполеона и часть его войск при Березине, русские войска лишились возможности раньше завершить кампанию и встать на зимние квартиры, Ливен тут же оговаривается: «Фельдмаршал был проницательным и уклончивым политиком, редко от-

²⁶ Тартаковский А.Г. Неразгаданный Барклай. М., 1986.

крывавшим кому-либо свои потаённые мысли. Он точно не стал бы торопиться признавать перед лицом кого-либо из русских, что его стратегия направляется политическими мотивами, поскольку это означало бы затронуть предмет, который касался императора, но никак не кого-либо из военачальников. Вероятно, безопаснее всего было бы предположить, что политические взгляды Кутузова были дополнительной причиной, по которой он предпочитал не рисковать своей армией в попытках пленить Наполеона или уничтожить его армию» (с. 343). Эту мысль историк развивает далее: «Более того, даже если бы русские взяли в плен самого Наполеона, что было возможно, хотя и маловероятно, это бы не стало залогом мира и стабильности в Европе. Не нужно было быть провидцем, чтобы понимать: если господству французов придёт конец, другие европейские государства вступят в конкурентную борьбу за право обладания тем, что от него останется» (с. 353).

Николай Проmysлов: Фактографический и «разоблачительный» подходы исчерпали себя

Нетрудно заметить, что в массе вышедших в России за последние годы книг по истории войны 1812 года практически нет обобщающих работ, а главным трудом и своеобразным итогом последних двадцати лет стало трёхтомное энциклопедическое издание «Отечественная война 1812 года и освободительный поход русской армии 1813–1814 годов»²⁷. На примере этой энциклопедии можно увидеть все основные достоинства и недостатки современной российской историографии, посвящённой эпохе наполеоновских войн. В числе достоинств – глубокая проработка военно-исторических вопросов. Редкому сражению этой недолгой кампании не посвящено отдельного исследования, основанного на весьма широком круге источников. К недостаткам же можно отнести не очень хорошее знание иностранной литературы, а также работ по более широким темам, связанным с европейской историей конца XVIII – начала XIX в. Собственно говоря, вся российская наполеоника по большей части ограничивалась до сих пор историей одной кампании.

В этом контексте появление монографии Доминика Ливена стало особенно важным событием. Если принять тезис А.З. Манфреда о том, что каждое поколение заново переосмысливает историю наполеоновских войн и в том числе войны 1812 года²⁸, то труд Ливена можно поставить в один ряд с эпохальными дореволюционными работами М.И. Богдановича, А.И. Михайловского-Данилевского, Д.П. Бутурлина, А.Н. Попова и К.А. Военского, советскими исследованиями Е.В. Тарле, а затем П.А. Жилина и Л.Г. Бескровного. И хотя нельзя сказать, что все подробности войны известны нам досконально, или что все историографические мифы полностью отброшены, ясно, что фактографический и «разоблачительный» подходы к написанию её истории во многом исчерпали себя.

Безусловно, можно и нужно уточнять численность и состав войск, принимавших участие в том или ином сражении, а также особенности проведения боевых операций, но без применения современных методов и рассмотрения истории с более широкой точки зрения мы едва ли сможем увидеть что-то

²⁷ Отечественная война 1812 года и освободительный поход русской армии 1813–1814 годов. Энциклопедия. В 3 т. М., 2012.

²⁸ Манфред А.З. Наполеон Бонапарт. М., 1972. С. 4–5.

новое в событиях двухсотлетней давности. Даже введение в научный оборот не анализировавшихся ещё источников не всегда может радикально изменить картину прошлого. Приведу один пример. На протяжении многих лет ведутся споры о численности русской и французской армий в Бородинском сражении²⁹. В 2012 г. американский исследователь Э. Вовси, сравнив целый ряд источников, включая ранее не известные данные из французских архивов, установил, что в войсках Наполеона находилось тогда 130–135 тыс. человек³⁰. Однако из текста статьи видно, что цифры, которые приводят другие историки, как правило, отличаются от подсчётов Вовси не более чем на 5%, т.е. укладываются в рамки статистической погрешности. Конечно, в принципе неплохо было бы выяснить с точностью до последнего солдата состав участников главного сражения 1812 г., однако вряд ли бесконечные дискуссии на эту тему способны обогатить историческую науку. Большинство историографических мифов, связанных с историей войны 1812 года, также уже благополучно опровергнуты историками. И если какие-то из них ещё продолжают бродить по школьным учебникам или сочинениям любителей, то причину этого следует искать в том числе и в отсутствие обобщающих работ, которые могли бы донести до массового читателя достижения современной историографии. Так, например, мало кто из специалистов сегодня всерьёз станет утверждать, что Москва была сожжена исключительно французами.

В чём же новизна монографии Ливена? Во-первых, в том, что эта книга не о войне 1812 года, а о гораздо более широком промежутке времени, охватывающем как период, предшествующий столкновению России и Франции, так и последующую общеевропейскую войну 1813–1814 гг. Во-вторых, в ней говорится не только о боевых действиях, хотя им и уделено наибольшее внимание. Автор осветил и дипломатические игры эпохи, и экономические аспекты конфликта, которые до сих пор были очень слабо изучены в историографии. В-третьих, значимость книги Ливена определяется соединением в одном произведении традиционной нарративной истории, повествующей о конкретных событиях, с активным использованием антропологических сюжетов и подходов. Такое соединение позволяет по-новому взглянуть на многие сюжеты. Например, описывая особенности обмундирования и питания Великой армии, Ливен демонстрирует масштаб и сложность задачи по снабжению огромной массы людей и лошадей. Из приведённых подробностей организации быта французских войск можно сделать вывод о недочётах и промахах Наполеона при планировании кампании 1812 г., которые сказывались на всём протяжении похода в Россию.

Многие исследования не только войны 1812 года, но более широкой наполеоновской тематики до сих пор велись либо с позиций героизации французского императора, либо с позиций национальных историографий, в рамках которых наибольшее внимание уделялось «своим» участникам эпопеи, а все остальные стороны конфликта либо игнорировались, либо описывались пунктиром. Ливен, и в этом ещё одна его заслуга, попытался взглянуть на всех участников тех событий одинаково пристально. Правда, это ему не всегда полностью удалось. Так, например, нетрудно заметить, что при описании кампаний

²⁹ См. масштабное исследование по этому вопросу: *Васильев А.А., Попов А.И. Grande Armée – Состав армии при Бородино. М., 2002.*

³⁰ *Вовси Э. Состав и потери Великой армии в Бородинском сражении (по материалам французских архивов) // Французский ежегодник 2012: 200 лет Отечественной войны 1812 года. М., 2012. С. 43.*

1812 г. и особенно 1813–1814 гг., когда стран, участвовавших в боях, стало уже довольно много, наибольшее внимание историк уделяет русской армии и российскому императору. Глядя же с «французской стороны», он преимущественно объясняет логику происходящего, тогда как о самих действиях Наполеона и его армии пишет значительно меньше. Подобное явление легко объяснить тем фактом, что книга писалась в первую очередь для европейских и американских читателей, которые привыкли познавать события 1812–1814 гг. с французской, реже – с прусской, австрийской или польской стороны, и почти никогда – с российской.

В России историки, изучающие Отечественную войну 1812 года, нередко сетуют на то, что иностранные коллеги слабо знакомы с их работами³¹. В этом отношении книга Ливена является одним из немногих исключений, в её библиографическом списке указаны десятки русскоязычных статей, монографий и даже неопубликованных диссертационных исследований. При этом интересно отметить, что из русских исследований Ливен использует в первую очередь те, которые можно отнести к военно-историческому направлению историографии, тогда как по более общим вопросам (экономика России начала XIX в. или крестьянский вопрос) он предпочитает обращаться к англоязычным трудам. Использование британским учёным достижений ряда национальных историографий (русской, германской, австрийской), а также архивных материалов, хранящихся в разных странах, делает его книгу частью формирующейся глобальной историографии эпохи 1812 года³². И в этом отношении активное использование Ливеном трудов российских специалистов способствует тому, что они также становятся частью мировой исторической литературы.

Александр Подмазо: Лошадь как «герой» войны 1812–1814 гг.

При чтении работы Доминика Ливена невольно поражаешься, что подготовленная британским учёным книга имеет более пророссийскую направленность, чем труды некоторых современных отечественных историков, получивших доступ к иностранным источникам, но не способных или не желающих критически отнестись к информации, находящейся в них. Вслед за французскими исследователями они в своих сочинениях стали повторять, что Наполеон не проиграл в 1812 г. ни одного сражения и что русские не победили его, а просто «выпроводили за границу» (как будто интурист Наполеон прибыл в Москву по горячей путёвке, а М.И. Кутузов обеспечивал обратный трансфер). Всё чаще звучат высказывания, что и война была не Отечественной, и Наполеон был не таким уж плохим, и народ в России сражался с французами из-под палки, и русское командование совершало сплошные ошибки, да и вообще, не было никакого единения сословий перед лицом нависшей опасности, и т.д., и т.п.

Ещё удивительнее ситуация в бывших советских республиках. В Республике Беларусь, например, выдвинули собственную, мягко говоря, спорную, трактовку тех знаменательных событий. Здесь в общественное сознание внедряется мысль о том, что в 1812 г. война для белорусов была не Отечественной, т.е. народной, справедливой и оборонительной, а гражданской, причём для на-

³¹ Ивченко Л.Л. Проблемы и особенности современной российской историографии наполеоновских войн // Французский ежегодник 2013: «Русская кампания» Наполеона...

³² Подробнее см.: Чудинов А.В. О «глобализации» в историографии войны 1812 года (Размышления над книгой М.-П. Рей) // Там же.

селения белорусских губерний Российской империи вторгнувшиеся наполеоновские полчища были не нашествием завоевателей, а союзниками и освободителями. В музейных экспозициях, на экранах телевизоров, интернет-сайтах и в школьных учебниках Беларуси термин «Отечественная» из названия войны в последние годы странным образом исчез. Конечно, для большинства польских магнатов и шляхты, имевших владения в Белоруссии, Наполеон, обещавший восстановить Речь Посполитую в границах 1772 г., действительно был союзником и последней надеждой, поэтому многие из них присоединились к польским частям его разноплеменной Великой армии и даже создавали свои литовские формирования. Но при этом как-то замалчивается, что для западнорусского народа император Наполеон был врагом, поработителем и угнетателем, нёсшим Белой Руси не свободу, а возобновление польской кабалы.

Совсем не такова книга Ливена – здесь нет натяжек и передёргиваний. Написанная очень доступным языком с лёгким налётом юмора, она тем не менее открывает новые горизонты для изучения истории Отечественной войны 1812 года и Заграничных походов 1813–1814 гг. Непринуждённо переходя в ходе изложения материала с макроуровня на микроуровень и обратно, Ливен рассматривает очень серьёзные исторические проблемы, зачастую оставленные без должного внимания предыдущими исследователями. «Людей в целом и историков отдельных стран в частности, – справедливо замечает он, как бы оправдывая невнимание историков к отдельным вопросам, описываемым в его книге, – интересовали подвиги, совершаемые солдатами на полях сражений, а не то, как они набивали желудки или следили за здоровьем своих лошадей» (с. 43). Сам же автор считает, что без подробного рассмотрения четырёх «движущих сил могущества» (мобилизационных ресурсов) противоборствующих сторон «невозможно будет понять, как именно Россия сражалась в этих войнах или почему она вышла из них победительницей» (с. 64). К четырём «китам» победы Ливен относит людей, лошадей, военную промышленность и финансы. В условиях ведения «войны на истощение», т.е. когда одна из сторон ни при каких условиях не намерена заключать мирный договор, пока есть силы сражаться или пока неприятель не окажется полностью разгромленным (в 1812 г. подобную твёрдость проявил российский император Александр I), недостаток одного из указанных исследователем ресурсов может привести к полному поражению.

Поскольку в отношении людей, промышленности и финансов всё очевидно, рассмотрим более подробно лошадей, которые, по мнению Ливена, выполняли «современные функции танка, грузовика, аэроплана и моторизованной артиллерии». Историк настаивает, что «лошадь была важным, а возможно, и решающим фактором победы России над Наполеоном» (с. 43). «Величайшим героем российской военной кампании 1812–1814 гг. был не человек, а лошадь», – делает он неожиданный, на первый взгляд, вывод. Однако здесь нет никакого преувеличения. Современные исследователи, если и затрагивают эту проблему, то останавливаются только на формировании кавалерийских частей. Замечание же Ливена, что в 1812 г. «громдадное превосходство российской лёгкой кавалерии сыграло ключевую роль в деле лишения наполеоновской армии провианта» и «тем самым уничтожило её», что в 1813 г. Наполеон, пополнив людские потери, так и не смог восполнить потерянных в «Русской кампании» лошадей, что и привело его армию в конечном итоге к катастрофе, совершенно справедливо, однако не даёт читателям полного представления о зависимости армий начала XIX в. от лошадей.

Ведь помимо кавалерийских частей, выполнявших функции мобильной ударной силы, связи, разведки и охранения, в армии было ещё множество лошадей, без которых она просто не могла бы существовать и вести длительные бои. Неизменным атрибутом военных действий в эпоху наполеоновских войн были многочисленные обозы, сопровождавшие армию. Люди XX–XXI вв. зачастую не могут представить себе, насколько они были велики. Например, в обозе каждого полка кавалерии было более 20, а в каждом полку российской пехоты – около 50 казённых повозок (лазаретные, провиантские, патронные, палаточные и прочие фуры и повозки). За полком следовали ещё личные повозки маркитантов и офицеров (количество которых зависело от чина и занимаемой должности). Кроме того, существовали ещё дивизионные, корпусные и армейские обозы. Помимо них при армии находились артиллерийские и инженерные парки (с запасами пороха, свинца, ядер, шанцевого инструмента и понтонов), подвижные и развозные госпитали, провиантские и комиссариатские подвижные магазины (каждый магазин состоял, в соответствии с «Учреждением для управления большой действующей армией», из 2 304 двуконных повозок) и другие казённые транспорты, прибывавшие к армии. Вся эта многотысячная масса повозок при движении армии растягивалась на несколько десятков километров и перемещалась, как правило, с использованием лошадиных сил, причём в большинство повозок было впряжено по несколько лошадей. Без четвероногих помощников не могла обходиться и полевая артиллерия, каждое орудие которой тянуло от 8 до 12 лошадей, плюс большое число зарядных ящиков и телег с запасными осями, колёсами и прочими принадлежностями, необходимыми в походе (более 60 повозок в каждой артиллерийской роте)³³.

Вероятно, Ливен и сам не до конца представляет колоссальный размер армейских обозов, поскольку, говоря о Тарутинском манёвре М.И. Кутузова, он в качестве причин, по которым французы на некоторое время потеряли русскую армию, приводит Московский пожар, отвлекший внимание Наполеона, и «умелые действия казачьего арьергарда» (с. 287). Как известно, в результате кутузовского манёвра, когда войска перешли с Рязанской дороги на Каширскую, затем на Серпуховскую, а потом на Подольскую дорогу, французы на несколько дней потеряли из виду русскую армию, хотя авангард И. Мюрата шёл за ней буквально по пятам. Ливен, в отличие от других историков, которые только констатировали этот факт, попытался объяснить, как такое чудо могло произойти, но это ему не слишком удалось. Следует иметь в виду, что многотысячная масса повозок, следующая с армией, помноженная на впряжённое в них число лошадей, вместе с артиллерией и кавалерией оставляла после себя на земле такие следы, что не заметить их было просто нельзя. Как же французы могли прозевать место поворота русской армии с Рязанской дороги? Одним невниманием или действиями арьергарда подобное объяснить нельзя.

На самом деле решающую роль здесь сыграло то, на что, вероятно, и рассчитывал Кутузов, направляя свою армию через Москву. Вместе с армией из города ушло практически всё население – из 275 тыс. жителей в нём осталось всего около 6 тыс. человек. Большая часть московских беженцев со своими повозками направилась вслед за армией по Рязанской дороге и продолжала двигаться на Рязань после поворота армии на Каширскую дорогу. Вот эта толпа людей и, главное, их кареты и телеги, оставившие множество следов, и сбили

³³ Подробнее см.: *Подмазо А.А.* Обоз русской армии в 1812 г. // Воин. 2006. № 3. С. 47–52.

с толку авангард Мюрата, который вплоть до Бронниц преследовал эту живую массу, прикрытую казачьим отрядом, пока не разобрался, что русской армии перед ним нет. Таким образом, спутали все карты Наполеона и позволили русской армии исчезнуть на несколько дней прямо из-под носа французской кавалерии жители столицы, покинувшие свой город, а не оставленные на Рязанской дороге казаки под командой полковника И.Е. Ефремова.

Не может не вызывать восхищения и другой аспект войны, связанный с обозами. Наполеоновские солдаты и офицеры летом 1812 г. не раз с удивлением отмечали, что после отхода русских войск не видно обычных следов быстрого отступления целой армии: разбросанных вещей, сломанных колёс, частей одежды и сруи. Вот что, например, писал Е. Лабом, бывший в начале 1812 г. капитаном и командиром батальона в корпусе Е. Богарне: «Все были изумлены превосходным порядком, с которым князь Барклай де Толли отступил со своих позиций (при Островно. – *А.П.*). При этом трудном отступлении генерал-майор граф фон Пален блестяще проявил свою прозорливость и военное искусство; на наших глазах он маневрировал с арьергардом и так хорошо прикрыл остатки армии, что мы не нашли на её пути никаких следов её прохода: ни одной брошенной повозки, ни одной павшей лошади, даже ни одного отсталого – ничего, что бы могло нам указать направление»³⁴. Ему вторит граф Ф. де Сегюр, проделавший в свите Наполеона всю кампанию: «Вскоре он (Наполеон. – *А.П.*) очутился посреди лагеря, покинутого Барклаем... Притом ничего не было забыто. Ни одно орудие, ни один предмет и вообще никакие следы не указывали, вне этого лагеря, какой путь избрали русские во время своего внезапного ночного выступления... Мы вступили в Витебск, оказавшийся таким же покинутым, как и русский лагерь. Напрасно обыскали мы все дороги»³⁵. Вот уж воистину, русские войска заслужили право быть победителями, поскольку Наполеон потерял половину своей армии, большую часть кавалерии и почти все обозы ещё летом по дороге к Смоленску, причём в основном это были не боевые потери.

Книга Доминика Ливена многогранна и многослойна, и «даёт пищу для ума» вдумчивым исследователям. Её не только интересно, но и очень полезно читать. Несомненно, она станет своеобразным катализатором, который сдвинет развитие историографии эпохи 1812 года на новые рубежи.

***Григорий Бибиков: Восстановить разорванную связь двух царствований*³⁶**

Русская армия оказалась сильнее французской, а Александру I и его окружению удалось переиграть Наполеона в схватке стратегий – эти выводы Доминика Ливена стали новым словом для западной историографии, где на кампанию 1812 г. принято было смотреть глазами К. Клаузевица и Р.Т. Вильсона. В чём секрет успеха книги? Прежде всего, в солидной источниковой основе: фронтальном изучении полковых историй русской армии, материалов Военно-учёного архива, военной периодики, записок иностранных наблюдателей при русской армии. Архивные источники задействованы автором преимущественно для анализа тех сюжетов, где историографическая традиция слаба – это история снабжения и тыла, а также объёмные материалы формулярных списков.

³⁴ Наполеон в России в воспоминаниях иностранцев. Кн. 1. Нашествие на Москву. М., 2004. С. 112. (В данном случае мемуарист ошибается, так как М.Б. Барклай де Толли был пожалован в князья только в 1915 г.).

³⁵ *Сегюр Ф.-П., де. Поход в Россию. Мемуары адъютанта.* М., 2002. С. 46.

³⁶ Текст подготовлен при поддержке РГНФ, проект № 13-31-01279.

Новаторская глава «Восстановление армии» полностью основана на документах Российского государственного военно-исторического архива и показывает процесс сбора ополченцев, рекрутов, лошадей, оружия и продовольствия в 1813 г. во внутренних русских губерниях. Система рекрутского набора воссоздана по документам семейного архива князей Ливенов в Британской библиотеке.

Другое бесспорное достоинство монографии – в исключительном знании историографии, в том числе трудов, вроде бы не относящихся к теме – истории населения, финансов, промышленности, коневодства, государственных учреждений и элит. Книга Ливена – это исследование «большой стратегии» России, которое объединило в едином проблемном ключе военную, дипломатическую и экономическую историю. Именно это позволило автору объяснить подоплёку русско-французского противостояния и увидеть, к примеру, внутренние механизмы опалы М.М. Сперанского в 1812 г. или причины, по которым российская дипломатия упорно боролась за сохранение независимой Пруссии в 1807 г. Наиболее впечатляюще выглядит сравнительная перспектива. Так, скажем, роспись доходов Российской империи в сравнении с другими державами иллюстрирует вызовы, с которыми столкнулась страна в начале XIX в. (с. 73).

Один из «коньков» Ливена – сочетание разных масштабов исследования, разной «оптики» – международного контекста, сравнительной характеристики империй и зарождения национализма, психологических портретов, деталей повседневности. Этим она разительно отличается от классических военных трудов XIX в., и в то же время следует в их русле, уделяя главное внимание истории «сражений, дипломатии и королей» (с. 39), выступая подспорьем всем, кто полагает, что возможности классической позитивистской науки далеко не исчерпаны. Книга Ливена в прямом смысле адресована «широкому кругу читателей» – она лишена профессионального снобизма, свойственного специальным военным исследованиям, и займёт место одной из основных книг для чтения по теме. В конечном счёте, именно такие работы способны противостоять лавине псевдонаучной литературы.

О достоинствах монографии можно говорить долго, но в жанре критического обзора стоит найти место для замечаний. В отличие от других европейских держав, Франция никогда не находилась в центре исследовательского интереса Ливена, и недостаточное внимание к противнику России несколько обедняет исследование. Если военный и экономический потенциал союзников по 6-й коалиции показан в деталях, этого нельзя сказать о Французской империи, её сателлитах и союзниках. Поэтому сложнее оценить исходившую от неё угрозу и понять коалиционную стратегию. Этот аспект важен именно для русского издания – в России редко переводятся новейшие исследования по наполеоновской Франции. Политика Наполеона показана в книге длинной чередой военных и дипломатических ошибок, но внутренняя её логика порой ускользает от читателя. Автор только подводит к общему заключению, что если провал 1812 г. стал «ошибкой силы» или недооценки противника, то поражения 1813–1814 гг. – это «ошибки слабости», когда неуверенный в своей армии полководец уже не мог позволить себе решительных действий.

Отдельные суждения автора спорны. Так, по мнению Ливена, Российскую империю отличала «практически полная географическая неуязвимость» (с. 579). Но стратегическая уязвимость границ оставалась головной болью российской правящей элиты в течение всего XIX в., а кампании 1812–1814 гг. показали Александру I и его ближайшему окружению слабость России, неспо-

собной содержать необходимую для защиты границ армию. Не вполне обоснованным выглядит утверждение, что «мощь Англии означала мировое господство либерально-демократических принципов, которые были губительны для Российской империи в любом её варианте» (с. 653–654). Британская империя, в отличие от Франции, в российских правящих кругах и общественном мнении XIX в. в большей степени ассоциировалась с аристократическим правлением, чем с демократическими свободами. Наконец, преувеличением кажется характеристика Российской империи как склонной «к экспансии и грабежу» великой державы (с. 152).

К числу наиболее ярких страниц книги следует отнести галерею биографических и психологических портретов российских генералов. Хотя при желании можно заметить определённую избирательность автора, эти страницы дают повод поразмышлять о другой стороне участия России в наполеоновских войнах. На глазах читателя происходит зарождение военно-политической элиты, которая в течение последующих десятилетий будет определять политику государства. В далеко не полный список этих генералов входят И.Ф. Паскевич (с 1832 г. – наместник Царства Польского), А.И. Чернышёв (с 1827 г. – военный министр), А.Х. Бенкендорф (с 1826 г. – глава III отделения Собственной его императорского величества канцелярии), М.С. Воронцов (с 1844 г. – наместник на Кавказе), И.И. Дибич (с 1823 г. – начальник Главного штаба), К.Ф. Толь (с 1833 г. – главноуправляющий путями сообщения и публичными зданиями), И.В. Васильчиков (с 1838 г. – председатель Государственного совета и Комитета министров), Е.Ф. Канкрин (с 1823 г. – министр финансов). Бенкендорф «хорошо проявил себя на войне, и это обстоятельство послужило основой для блестящей карьеры в будущем» (с. 331) – эти слова Ливена равным образом применимы к другим генералам – государственным деятелям, чья военная репутация сложилась в первую очередь в 1812–1814 гг. Дибич и Толь были «двумя самыми блестящими офицерами в штабе российской армии» (с. 47), Чернышёв – «человеком выдающегося ума, храбрости и твёрдости» (с. 135), а Канкрин «справился с крайне непростой задачей продовольственного обеспечения и снабжения российской армии во время её движения сначала по территории Российской империи, затем – Германии и Франции» (с. 210). Излишне напоминать о военном пути Воронцова, Васильчикова или Паскевича. В 1812–1814 гг. они сделали стремительную карьеру. К примеру, Паскевич и Воронцов были произведены в генерал-лейтенанты в 1813 г. в возрасте 31 года, Чернышёв – в 1814 г. в возрасте 28 лет, Васильчиков – в 1812 г. в возрасте 36 лет.

Как пишет Ливен, «между Веллингтоном и русскими главнокомандующими имелись существенные различия. Хотя в 1820-е и 1830-е гг. у герцога было много политических противников, к моменту своей смерти он стал национальной иконой. По-иному обстояли дела с русскими генералами, прожившими не меньше него» (с. 44). Репутация героев Отечественной войны 1812 года, ставших впоследствии приближёнными к престолу сановниками, сложилась уже под влиянием их правительственной деятельности, а после поражения России в Крымской войне и последовавшей общественной обструкции николаевского режима их имена оказались тесным образом связаны с Николаем I и его политикой. Книга Ливена способствует восстановлению искусственно разорванной связи военной и государственной службы николаевских министров, для которых наполеоновские войны стали определяющей вехой жизненного и служебного пути.

Автор книги ставит перед собой резонный вопрос: «Можно ли сказать хоть что-то новое о наполеоновских войнах? Для великого множества западных историков, – считает он, – автоматическим ответом станет “нет”»³⁷. Его собственный ответ противоположен, и вытекает он из различий между российской и западной историографией в подходах к изучению этой темы. По мнению Ливена, в англоязычных исследованиях при рассмотрении кампании 1812 г. основное внимание уделяется личности Наполеона, ошибкам, которые тот совершил во время Русского похода, изображению географических и климатических условий России, приведших к гибели Великой армии, а также описанию «ужасов» отступления наполеоновских солдат и офицеров. Кампания 1813 г. традиционно являлась сферой изучения прусско-германской школы историков националистического толка, «воспевающих возрождение Пруссии и триумф германского патриотизма» (с. 41). Участие же России в наполеоновских войнах на их завершающем этапе, деятельность её высших органов государственной власти и военного руководства, роль Александра I, как правило, оставались вне поля зрения западных авторов. Отчасти это произошло под влиянием всемирно известного романа Л.Н. Толстого «Война и мир» и высказанных в нём идей о том, что борьба с наполеоновским нашествием носила стихийный характер, а победа России над Наполеоном во многом являлась результатом «счастливого стечения обстоятельств» (с. 46, 654–655), отчасти из-за того, что долгое время западные историки были лишены возможности работать в российских архивах и, следовательно, использовать в своих трудах русские источники, а идеологические расхождения, существовавшие между странами на протяжении XX в., и всякого рода предубеждения приводили как к незнанию, так подчас и к нежеланию использовать труды российских исследователей.

Ливен отмечает, что он принадлежит «к числу старомодных историков, которым нравится, когда их истории становятся истиной или по крайней мере настолько близкими к истине, насколько это позволяет сделать добросовестное, умелое и тщательное изучение доступных источников» (с. 38). А в добросовестности автора трудно усомниться. Достаточно взглянуть на обширный библиографический список, помещённый в конце книги, и ознакомиться с текстом примечаний. Историк широко использовал документы девяти фондов Российского государственного военно-исторического архива, а также разнообразные опубликованные материалы, в том числе источники личного происхождения. При работе с документами он находит такие грани, которые позволяют ему рассматривать поднимаемые им проблемы объективно, достоверно и широко.

Хронологические рамки работы охватывают период с 1807 по 1814 г., т.е. с Тильзитского мира и до вступления русских войск в Париж. По мнению Ливена, «любой другой подход погубил бы историю» (с. 54). На мой взгляд, всё же это слишком категоричное суждение. Без сомнения, выбор хронологии всецело зависит от автора и его видения решения поставленной проблемы. Однако я считаю, что для понимания роли российской дипломатии и военной стратегии России на заключительном этапе наполеоновских войн нельзя обойтись без анализа истоков русско-французского противостояния и создания антифранцузских коалиций в конце XVIII – начале XIX в. Завершить же иссле-

³⁷ Ливен Д. Право одержать победу: Россия против Наполеона // Родина. 2012. № 6. С. 30.

дование было бы логичнее не вступлением союзников в Париж 18 (30) марта 1814 г., а созывом Венского конгресса, решения которого определили новую расстановку политических сил в Европе, а также созданием Священного союза. Это позволило бы сделать выводы о последствиях победы союзников над наполеоновской Францией для Европы в целом и для России в частности.

Представленное в книге описание сложных, а порой просто запутанных отношений между европейскими государствами в заключительный период наполеоновских войн дано предельно сжато. Иногда кажется, что в рамках одного исследования невозможно отразить всю сложность процессов дипломатической истории той эпохи. Однако автору блестяще удаётся справиться с этой задачей, во многом благодаря живому и образному языку повествования, мастерским переходам к описанию сражений и армейских манёвров, которые в его изображении отличаются точностью, яркостью и необходимой детализацией.

Большое внимание Ливен уделяет работе тыла. Он полагает, что одной из причин поражения Великой армии стала плохая организация работы её тыловых служб. «Напротив, одним из ключевых условий военного триумфа России являлась успешная организация продовольственного и прочих видов снабжения своей более чем полумиллионной армии за пределами России в 1813–1814 гг.» (с. 42). Например, во время кампаний в Германии и во Франции Наполеону не удалось полностью восполнить нехватку конского состава, в то время как Россия, во многом благодаря деятельности генерала А.С. Кологривова, которому было поручено формирование кавалерийских резервов, блестяще справилась с этой задачей (с. 447–451).

Не менее важной причиной победы России над Наполеоном, по мнению Ливена, являлась подготовка людских резервов. Поэтому он уделяет большое внимание существовавшей в России рекрутской системе набора войск, формированию ополчения в 1812 г., подготовке резервов в 1813–1814 гг. (с. 82, 296–297, 311–314, 436–441). Рассматривая эти вопросы, британский учёный, конечно, не мог обойти стороной и описание внутреннего состояния российской армии. Он даёт характеристику её унтер-офицерского состава, офицерского корпуса (с. 82–84, 171–173). Его вывод о том, что русская армия, благодаря полученному ею опыту, в 1813–1814 гг. действовала гораздо лучше, чем в 1812 г., бесспорен (с. 49). А приведённое в книге сравнение английского и русского солдата, данное в 1813 г. Р. Вильсоном, по сути, является гимном русской армии эпохи наполеоновских войн. Наблюдая за смотром резервов лейб-гвардии и гренадёр, прибывших из России после тяжёлого трёхмесячного марша, тот сделал такое сопоставление: «Если бы английские батальоны прошли одну десятую часть такой же дистанции, они бы хромали в течение последующих нескольких недель, а от их первоначального снаряжения остались бы одни воспоминания. Все наши лошади охромели бы, а их спины были бы натёрты настолько, что к ним невозможно было бы прикрепить сёдла» (с. 451).

Превосходство русской армии над французской на заключительном этапе наполеоновских войн Ливен также связывает с возросшим уровнем мастерства высшего командного состава и лучшей работой штабов в 1813–1814 гг. по сравнению с 1812 г. Не случайно поэтому в книге содержатся многочисленные характеристики представителей российского генералитета. При этом автор, на мой взгляд, не всегда обоснованно выдвигает на первые роли немцев, а его вывод, что «без штабных офицеров нерусского происхождения Россия никогда не смогла бы одержать победу в кампании 1812–1814 гг.», представляется весьма

категоричным (с. 64). К тому же, говоря об этнических или конфессиональных особенностях того или иного человека, можно вспомнить пассаж известного русского издателя и публициста Н.И. Греча: «Должно отличать немцев (или германцев) от уроженцев наших остзейских губерний: это русские подданные, русские дворяне, охотно жертвующие за Россию кровью и жизнью, и если иногда предпочитают природным русским, то оттого, что домашнее их воспитание было лучше и нравственнее... Да и чем лифляндец Барклай менее русский, нежели грузинец Багратион? Скажете: этот православный, но дело идёт на войне не о происхождении Святого Духа!»³⁸.

В книге затронута ещё одна важная проблема, которая ранее практически не рассматривалась в зарубежной историографии. Это положение российской провинции в эпоху наполеоновских войн. В последние годы в отечественной исторической науке наметился устойчивый интерес к изучению этой темы³⁹. Поэтому весьма отраднo, что один из самых известных специалистов по российской истории посвятил ей несколько страниц. Изучая деятельность тыла, Ливен поднимает вопрос о воздействии войны 1812 года на различные слои провинциального населения, рассматривает особенности формирования ополчения в разных губерниях, отмечает рост социальной напряжённости в провинции (с. 296–314). Он пишет, что «историк, стремящийся понять, как Россия смогла мобилизовать ресурсы для победы над Наполеоном, должен исследовать реалии российского провинциального общества, взаимоотношения этого общества с царской администрацией, сильные и слабые стороны российской экономики»⁴⁰.

Александр Орлов: Россия и Великобритания в 1805–1815 гг.: борьба за новый европейский порядок

Для исследователя, занимающегося изучением российско-британских отношений, нет, пожалуй, большего удовольствия, чем взять в руки новую книгу, повествующую об участии России и Великобритании в важнейших событиях европейской истории. Такое удовольствие я испытал, когда выдающийся британский учёный Доминик Ливен в самом начале 2012 г. подарил мне англоязычное издание своей монографии «Россия против Наполеона. Борьба за Европу, 1807–1814». На её титульном листе он нарисовал смешного человечка с закрученными усами и в кивере с пышным султаном, едущего на ещё более смешной лошади в сопровождении маленьких фигурок солдат с ружьями на плечах. Всё это воинство двигалось в направлении, обозначенном дорожным указателем с надписью «Париж». Я спросил Доминика Александровича, кто этот офицер на лошади? «Это я, – гордо ответил он. – Если бы я жил в Российской империи, я был бы генерал-адъютантом!». Уже тогда я понял, что он какой-то частью своей души, благодаря знаменитым русским предкам, по-настоящему живёт в эпоху наполеоновских войн, а не наведывается туда время от времени с научной целью с помощью исторического инструментария. В октябре 2012 г. во время юбилейной научной конференции в Институте российской

³⁸ Греч Н.И. Записки о моей жизни. М., 1990. С. 211.

³⁹ См., например: Белоусов С.В. Провинциальное общество и Отечественная война 1812 года (на материалах Среднего Поволжья). Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Самара, 2007; Тотфалушин В.П. Саратовский край и Наполеоновские войны. Саратов, 2011.

⁴⁰ Ливен Д. Право одержать победу: Россия против Наполеона. С. 34.

истории РАН я приобрёл русское издание его книги, позволившее мне ещё раз внимательно познакомиться с позицией автора.

Скажу сразу, я не знаток военной истории. Более того, сама по себе она не очень меня интересует, поскольку служба в Советской армии в 1985–1987 гг. (которой я горжусь до сего дня) оставила во мне ощущение медленного превращения живого человека в механизм какой-то огромной и непонятной ему обезличенной машины. Психологическое состояние человека на войне – вот что мне ближе. Интерес к исторической психологии побуждает заниматься идейными установками главных действующих лиц той эпохи (русских и британцев) при всей их несхожести и теми политическими целями (заявленными и реальными), которые они ставили перед собой.

Мои собственные исследования посвящены анализу вклада России и Великобритании в борьбу антинаполеоновских коалиций с Францией в 1805–1807 и в 1812–1815 гг. и в создание Венской системы международных отношений в послевоенной Европе⁴¹. Мне представляется, что именно Петербург и Лондон сыграли в этом главную роль, отчасти реализовав давние мечты просвещённых европейцев о справедливом мировом порядке. Сотрудничество двух стран (при всех нюансах их отношений) позволяло вплоть до начала 1830-х гг. сохранять венские принципы в неприкосновенности. Медленное движение России и Великобритании по расходящимся политическим векторам на протяжении 1830–1840-х гг. привело к определённой ревизии Венской системы и, как следствие, к Крымской войне 1853–1856 гг.⁴² Но главные положения созданного в 1815 г. порядка (поддержание «баланса сил» и созыв конгрессов великих держав для мирного разрешения международных конфликтов) соблюдались вплоть до начала Первой мировой войны, обеспечив Европе мир и относительно стабильное развитие почти на столетие. Ни одна из последующих мировых систем – ни Версальско-Вашингтонская, ни Ялтинско-Потсдамская, явно разрушающаяся на наших глазах – не может сравниться в этом отношении с Венской.

В предисловии к русскому изданию своей книги Ливен отмечает: «Результаты победы (над Наполеоном. – *А.О.*), как всегда, были неоднозначны, и дилеммы, связанные с безопасностью России и миром на планете, не исчезли в 1815 г. Но по сравнению с безмерным кровопролитием и хаосом 1792–1815 гг. XIX в. в целом явился столетием относительной международной стабильности и значительного экономического прогресса, чем со временем воспользовалась сама Россия. На мой взгляд, военно-экономическая деятельность России в 1812–1815 гг. внесла огромный вклад в становление нового европейского порядка, и этот факт заслуживает признания как за рубежом, так и особенно в самой России. Настоящий и полезный урок, который следует извлечь из событий той эпохи, по моему мнению, состоит в осознании тесной взаимосвязи между безопасностью России и Европы» (с. 11). Эта идея кажется мне принципиально важной, и я хотел бы далее проследить, как автор её аргументирует и что осталось за рамками его исследования.

Ливен начинает с констатации того, что во второй половине XVIII в. «Россия была единственной из пяти великих держав, не имевшей ненавистного противника, и это обстоятельство существенным образом играло в её поль-

⁴¹ См.: Орлов А.А. Союз Петербурга и Лондона. Российско-британские отношения в эпоху наполеоновских войн. М., 2005.

⁴² См.: Орлов А.А. Проблема нового мирового порядка в отношениях Великобритании и России в первой половине XIX в. Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2009.

зу. В целом Россия приняла сторону Великобритании в конфликте последней с Францией... Великобритания также представляла собой крупнейший рынок для сбыта российских товаров. Тем не менее отношения между двумя державами порой бывали натянутыми. Как и другие европейские страны, Россию возмущало своеволие Великобритании в вопросах нейтральной торговли в военное время» (с. 74). Лондон, со своей стороны, пытался остановить российскую экспансию на Балканском полуострове, защищая Османскую империю как одну из зон своих экономических интересов и коммуникаций с Индией. Это привело к «Очаковскому кризису» 1791 г., когда в британском парламенте дебатировался вопрос, поднятый премьер-министром У. Питтом Младшим, об отправлении в Балтийское море военной эскадры с целью принудить Россию заключить с турками мир на основе *status quo ante bellum*. «На горизонте замаячила первая тень “большой игры”, которая в викторианскую эпоху велась между Великобританией и Россией за господство в Азии» (с. 74–75).

Однако война между двумя государствами из-за «восточного вопроса» не могла тогда начаться. Все противоречия перевешивало стремление сохранить мир и стабильность в Европе. Великобритании это было необходимо для поддержания «баланса сил» на континенте, чтобы обезопасить себя и свою европейскую торговлю (по Северному, Балтийскому и Средиземному морям). Россия нуждалась в отдыхе после целой серии кровопролитных войн XVIII в., которые она вела со Швецией и Османской империей. Екатерина II и её наследники были весьма озабочены тем, чтобы надёжно защитить северо-западные, западные и юго-западные границы империи со всеми вновь приобретёнными территориями и спокойно проводить необходимые государству внутренние реформы. Исходя из этого, именно Великобритания и Россия могли сыграть роль форпостов европейской цивилизации на западе и востоке Европы, нейтрализовав совместными усилиями попытки любого захватчика покорить континент. В военном и экономическом отношении две страны (Британия – лучший в мире флот, развитая промышленность и торговля; Россия – мощная сухопутная армия, огромные сырьевые ресурсы) взаимно дополняли и усиливали друг друга. Ливен придерживается этой же концепции, хотя и пишет, что России и Великобритании «было выгоднее распространять своё влияние за пределы Европы, где любые приобретения давались легче, и куда их европейские соперники находили практически невозможным вмешаться. В центральных районах Европы было куда как сложнее добиться новых приобретений и удержать их». «С другой стороны, – указывает он, – первостепенный геополитический постулат того времени заключался в том, что безопасность как России, так и Великобритании окажется под угрозой при условии господства в континентальной Европе какой-либо третьей державы» (с. 119–121). «Если бы даже, как это было в случае с Наполеоном, предполагаемый император сумел завоевать внутренние районы Европы, ему по-прежнему противостояли бы два полюса силы в лице Англии и России. Его положение усугублялось бы тем, что покорение периферии требовало от захватчика одновременной мобилизации двух типов силы. Применительно к Великобритании это означало мобилизацию военно-морских сил, в случае же с Россией речь шла о задействовании военно-логистического ресурса, которого хватило бы для проникновения в пределы России и успешного движения до Урала. Этот вызов, с которым в XX столетии столкнулись немцы, был настоящим испытанием» (с. 153).

Между тем реальная ситуация не всегда соответствует глобальным геополитическим схемам. Когда революционная Франция в 1792 г. объявила войну старым монархиям Европы, Лондон и Петербург предпочли выжидать. Великобритания вступила в войну в 1793 г., Россия сделала это только через 5 лет. Объяснив причины, побудившие Павла I послать свои войска в Западную Европу, а флот – в Средиземное море, Ливен пишет: «Однако то, каким образом он это сделал, свидетельствует о том, что он рассматривал Россию как вспомогательную силу в войне, на переднем крае которой находились Австрия и Великобритания» (с. 77). С этим едва ли можно согласиться. Посылая за границу войска и флот, Павел руководствовался стратегическими соображениями. Просветительским идеям следовало противопоставить возрождённые идеалы средневековой рыцарской культуры. Россия, не имеющая, в отличие от других европейских держав, никаких корыстных интересов, будет сражаться ради восстановления справедливости и сохранения равновесия сил на континенте. За этим, как мы сейчас знаем, стояло желание перехватить у Англии и Австрии инициативу, а у Англии ещё и главный лозунг её внешней политики, что позволило бы России после окончания войны выдвинуться на роль международного арбитра, гарантирующего всем государствам сохранение прочного и длительного мира⁴³.

Но Вена и Лондон были заинтересованы, прежде всего, в нанесении военного поражения французам. Они с нетерпением ждали отправки русских войск за границу, но с прохладой, если не сказать больше, воспринимали внешнеполитические идеи российского императора. В конце концов, австрийцы потеряли интерес к продолжению кампании после отвоевания их бывших владений в Северной Италии. Англичане не хотели платить союзникам субсидии до тех пор, пока те не представят обещанное число солдат. Провал совместной русско-британской экспедиции в Голландию в 1799 г. доказал, что Павлу I не следовало надеяться на поддержку британской сухопутной армии, которая, в отличие от флота, не пользовалась авторитетом и в качественном отношении сильно уступала французам⁴⁴. Тем временем во Франции произошёл государственный переворот, приведший к власти генерала Наполеона Бонапарта. Павел I надеялся, что Бонапарт станет могильщиком революции и его новым союзником в деле успокоения Европы. Таким образом, переориентация России на Францию также произошла по принципиальным соображениям.

В качестве причин, заставивших Александра I вступить в войну с Францией в 1805 г., Ливен называет заметное, по сравнению с 1798 г., усиление позиций

⁴³ Подробнее об этом см.: Орлов А.А. «Теперь вижу англичан вблизи...»: Британия и британцы в представлениях россиян о мире и о себе (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.). Очерки. М., 2008. С. 75–76.

⁴⁴ О британской сухопутной армии и степени её боеготовности в XVIII – начале XIX вв. см., например: Огородников Ф.Е. Военные средства Англии в революционные и наполеоновские войны. Историко-статистическое исследование. СПб., 1902; Houlding J.A. Fit for Service: The Training of the British Army. 1715–1795. Oxford, 1981; Brewer J. The Sinews of Power. War, Money and the English State, 1688–1783. L., 1989; Harling P., Mandler P. From «Fiscal-Military» State to Laissez-Faire State, 1760–1850 // The Journal of British Studies. January 1993. Vol. 32. № 1. P. 44–70; Conway S. War, State and Society in Mid-Eighteenth-Century Britain and Ireland. Oxford, 2006. Ситуация изменилась только в ходе наполеоновских войн, когда такие выдающиеся военачальники, как Дж. Мур или А.К. Уэллсли герцог Веллингтон, перенимая достижения французской армии и творчески их перерабатывая, коренным образом изменили систему подготовки и тактику действий своих войск. Об этом см.: Купчев М.М. Герцог Веллингтон. М., 1995; Esdaile Ch.J. The Spanish Army in the Peninsular War. Manchester, 1988; *idem*. The Duke of Wellington and the command of the Spanish Army, 1812–1814. Houndmills, 1990.

Франции в Европе, особенно в германских землях и в Италии; обозначившуюся к тому времени французскую экспансию в направлении Восточного Средиземноморья, Балкан и Константинополя; негативную реакцию Петербурга на расстрел герцога Энгиенского, обвинённого в участии в заговоре с целью убийства Бонапарта; активную агитацию французских роялистов, нашедших убежище в России. «Тем не менее Александр I рассматривал Австрию, Великобританию и Пруссию как своих соперников, которые находились на передовой и которым Россия оказывала бескорыстную помощь, хотя её собственные интересы непосредственно затронуты не были», — пишет автор (с. 77–78).

На мой взгляд, для понимания истинных причин, заставивших Александра I оставить, казалось бы, крайне выгодную для него политику нейтралитета и равноудалённости по отношению к Франции и Великобритании и вступить в третью антифранцузскую коалицию, следует обратить внимание на секретную инструкцию императора его специальному представителю в Лондоне Н.Н. Новосильцеву, которому 11(23) сентября 1804 г. поручалось договориться с Питтом о главных принципах послевоенного устройства в Европе. Воспитанный на просветительских идеях и руководствовавшийся реалиями начала XIX в., Александр I полагал: после поражения Франции необходимо ввести в действие «новый кодекс международного права», который обеспечит и большим, и малым государствам надёжную защиту от любой агрессии. Гарантами нового международного порядка должны были стать Петербург и Лондон, связанные постоянным союзом. (Вена была занята, главным образом, проблемой укрепления авторитета и сохранения целостности многонациональной империи Габсбургов и поэтому ни при каких условиях не поддержала бы выдвижение плана европейской стабильности, основанного на принципах равноправия больших и малых государств. Берлин же упорно боролся за расширение своей территории, стремясь обеспечить себе главенство в германских землях.) Это позволило бы создать в Европе единое сообщество государств – возможный прообраз будущего справедливого мирового устройства. Подобная великая цель, полагал русский император, могла заставить Лондон внести определённые изменения в свой «морской кодекс», обеспечивавший Великобритании исключительные права и лидирующие позиции в мировой торговле⁴⁵, поскольку «это единственный уязвимый пункт в политике британского кабинета»⁴⁶. (Ливен отмечает, что инструкция Новосильцеву является «ключевым источником» по данной теме, но помещает эту информацию в примечания к первой главе (с. 106).)

Питт, конечно, никак не отреагировал на предложение о пересмотре «морского кодекса» и не поддержал глобальных планов русского императора. Как и ранее в переговорах с Павлом I, он предложил сначала разгромить Наполеона, а потом договариваться о принципах устройства послевоенной Европы. Александр I пошёл на уступки ради создания двустороннего военно-политического союза. Стороны сошлись на необходимости прежде всего устранить главный фактор международной нестабильности, т.е. нанести Франции военное поражение. Но при этом Александр продолжал упорно требовать от Лондона посылки войск на континент. Он, видимо, полагал, что только равный вклад всех союзников в дело борьбы с Наполеоном, и прежде всего кровь, пролитая

⁴⁵ См.: Станиславская А.М. Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья (1798–1807 гг.). М., 1962. С. 156–157.

⁴⁶ Внешняя политика России XIX и начала XX в. Документы российского Министерства иностранных дел. Сер. 1: 1801–1815 гг. Т. II. М., 1961. № 50. С. 150.

совместно на полях сражений, могут гарантировать равноправное послевоенное сотрудничество европейских государств. Кроме того, широкое участие в войне на континенте могло подготовить общественное мнение Великобритании к принятию идеи о необходимости создания системы коллективной безопасности. Это, в свою очередь, оказало бы воздействие на парламент и правительство. Александр I был одним из немногих российских политиков начала XIX в., которые понимали силу общественного мнения и умели использовать его давление на власть имущих. Поэтому в ходе переговоров император всегда (за исключением кампании 1812 г.) требовал скорейшей отправки крупных британских сил на континент⁴⁷.

Думаю, что знание всех этих обстоятельств позволяет без иронии отнестись к тем «грандиозным замыслам по установлению на длительный срок мира и безопасности в Европе», которые «роились» в голове Александра I. В ходе переговоров 1804–1805 гг. император и его ближайшие сотрудники Чарторыйский и Новосильцев пытались убедить британского премьер-министра У. Питта в том, что российские предложения о создании некоего подобия системы коллективной безопасности выгодны и Великобритании. Питт, при всём его чисто британском недоверии к излишним обязательствам, увидел в плане русского царя единственную возможность противопоставить хоть что-то всесокрушающему давлению Наполеона. Ливен признаёт: «В своём стремлении к такому мировому порядку, в котором склонность к мирному сосуществованию и сотрудничеству имела большую ценность, при одновременном преследовании интересов своей страны, Александр проявлял не больше лицемерия, чем лидеры союзных стран, одержавших победу в первой и второй мировых войнах XX столетия» (с. 102).

Третья и четвёртая коалиции, где главными действующими лицами были Великобритания и Россия, потерпели поражение по тем же причинам, что и вторая. Взаимное недоверие и соперничество союзников на континенте позволяли Бонапарту громить их по частям. «Причины триумфа Наполеона в 1805–1807 гг. надо искать прежде всего в области политики и географии», – пишет Ливен (с. 80). Александр I так и не дождался высадки в Северной Германии или в Италии крупных контингентов английских войск и постоянно жаловался на промедление в выделении субсидий (это действительно имело место и было вызвано как экономическими проблемами Великобритании, так и борьбой между консерваторами и либералами по вопросу о необходимости продолжения войны с Францией)⁴⁸. В итоге в июле 1807 г. царь вынужден был подписать с Наполеоном Тильзитские договоры о мире и о союзе. Он надеялся, что французский император, покоривший большую часть Европы, выступит в роли его главного партнёра в деле создания системы коллективной безопасности. Однако очень скоро стало ясно, что Россия не может без огромного ущерба для себя быть союзником Франции. Наполеон не признавал никакого другого сотрудничества, кроме безоговорочного подчинения своим планам. Кроме того, разрыв с Великобританией нанёс катастрофический удар по внешней (морской) торговле и финансовой системе России, и без того подорванной длительными войнами. У Александра I, оказавшегося перед угрозой французского вторжения,

⁴⁷ Подробнее об этом см.: *Орлов А.А. Союз Петербурга и Лондона... С. 18–20.*

⁴⁸ Подробнее об этом см.: *Sherwig J.M. Guineas and Gunpowder. British Foreign Aid in the Wars with France 1793–1815. Cambridge (Mass.), 1969; Орлов А.А. Союз Петербурга и Лондона... С. 34–36.*

не было иного выхода, кроме восстановления отношений с Лондоном. Только совместные действия двух держав могли привести к поражению Бонапарта и к отпадению от Франции союзников и сателлитов.

Показательно, что в ходе юбилейных дискуссий 2012 г. представители двух разных направлений российской исторической науки – В.М. Безотосный и А.В. Чудинов – сошлись в том, что союз России и Великобритании был объективно предопределён и крайне важен для разгрома Наполеона⁴⁹.

Во время Отечественной войны 1812 года союзниками России были Швеция и Великобритания⁵⁰. Но ни Лондон, ни Стокгольм не могли оказать Петербургу во время этой кампании активной помощи на суше (хотя британский флот не позволил Наполеону осуществить морскую блокаду балтийских портов, а также сорвал план поддержки северного фланга Великой армии силами крупной эскадры канонерских лодок⁵¹). Однако уже в феврале 1813 г. после заключения в Калише русско-прусского союза сложилась шестая антифранцузская коалиция, которая через год разгромила империю Наполеона. Ливен кратко упоминает о британской помощи сражающимся с французами армиям. Он пишет, что «на какое-то время главным источником получения ружей для российской армии стал импорт 101 тыс. штук из Великобритании» (с. 314), приводит сведения о предоставлении значительных субсидий: 1.33 млн фунтов стерлингов в звонкой монете и 3.3 млн в счёт покрытия расходов по выпуску «федеративных бумаг»⁵² (с. 433). Пунктиром в книге проходит информация о героической борьбе армии герцога Веллингтона в Испании и Южной Франции.

В предпоследней главе книги («Вторжение во Францию») Ливен пишет: «Великобритания стояла несколько в стороне от соперничества, развернувшегося между континентальными державами. Её участие в коалиции, освободившей Германию в 1813 г., ограничивалось преимущественно тем, что она ссужала армии союзников деньгами... Великобритания была в состоянии сохранить баланс сил между союзниками, помогая улаживать их споры и борясь против тех из них, чья мощь или притязания начинали представлять угрозу её интересам. В 1814 г. большая часть этой “борьбы” была направлена против России, отчасти потому, что она являлась самой могущественной континентальной державой в составе коалиции, а также потому, что цели и образ действий Александра I порой казались англичанам неясными и даже вызывали у них опасения» (с. 580, 582–583).

Вместе с тем, британской помощи России и другим участникам коалиции в 1813–1814 гг. следовало бы уделить значительно больше внимания. В ходе

⁴⁹ Безотосный В.М. [Рец. на кн.:] О.В. Соколов. Битва двух империй. М.; СПб., 2012 // Российская история. 2012. № 6. С. 172; Чудинов А.В. Геополитические баталии на «плацдарме» 1812 года: о книге В.М. Безотосного // Там же. С. 176.

⁵⁰ Об этом см.: Рогинский В.В. Швеция и Россия. Союз 1812 года. М., 1978. С. 73–97; Орлов А.А. История подготовки и заключения англо-русского мирного договора 6 (18) июля 1812 года // Российская история. 2012. № 6. С. 3–17.

⁵¹ Чернышёв А.А. Русский флот в войнах с наполеоновской Францией. М, 2012. С. 259–260, 262, 267–268.

⁵² «Федеративные бумаги» – особые облигации союзников (со сроком погашения к 1(13) июля 1815 г.), выпущенные в 1813 г. для расплаты с населением освобождаемых от французов областей Германии. Подлежали обязательному выкупу в следующей пропорции: Великобритания – $\frac{3}{6}$, Россия – $\frac{2}{6}$ и Пруссия – $\frac{1}{6}$. (В русском переводе книги эти облигации названы «союзными бумагами»). Подробнее о «федеративных бумагах» см.: Зак Л.А. Англия и германская проблема. (Из дипломатической истории наполеоновских войн.) М., 1963. С. 120–124; Sherwig J.M. Op. cit. P. 289–292.

этих кампаний Александр I постоянно увлекал за собой колеблющихся прусского, австрийского и шведского правителей. Его борьба с Наполеоном была принципиальной и бескомпромиссной. В Лондоне в полной мере оценили это и после провала попыток опереться на Пруссию и Австрию сделали ставку на Россию как на главного участника коалиции. Об этом свидетельствует беспрецедентный рост британских субсидий и поставок оружия (в 1812 г. – 200 тыс. фунтов стерлингов исключительно «на гуманитарные цели» и 50 тыс. некачественных ружей; в 1813 г. – 1 007 500 фунтов стерлингов серебром и 102 038 полностью исправных ружей). В 1814–1815 гг. поставки продолжились⁵³. Всего в 1812–1814 гг. Россия, по моим подсчётам, получила из Великобритании 225 801 ружьё, подавляющее большинство которых отличались высоким качеством и надёжностью, а также около 300 орудий разных типов и 1 200 т снарядов и патронов. Субсидии (их общая сумма за 1813–1815 гг. составила почти 6 млн фунтов стерлингов в звонкой монете и около 5 млн фунтов стерлингов в «федеративных бумагах»)⁵⁴ позволили оплатить большую часть военных расходов российской стороны, хотя и не улучшили плачевного финансового состояния государства.

Все эти факты позволяют увидеть практическую реализацию концепции «двух форпостов» Европы. Если их не учитывать, мы не поймём, почему именно Россия и Великобритания спаяли коалицию, смогли привести её к победному завершению войны над Наполеоном и предложили Европе план послевоенного урегулирования, основанный на принципе «баланса сил» и на тех элементах системы коллективной безопасности, о которых говорилось в упоминавшейся выше инструкции Александра I Новосильцеву. В лице британского министра иностранных дел лорда Каслри, имевшего решающее влияние в правительстве лорда Ливерпула, русский император нашёл сложного, но последовательного партнёра в деле реализации плана разгрома Франции и послевоенного урегулирования.

Сотрудничество двух стран (при всех разногласиях и взаимной политической борьбе) имело принципиально важное значение для судьбы Европы в течение всего XIX и начала XX в. Завершая своё исследование, Ливен делает следующий вывод: «Политика России в эпоху наполеоновских войн ни при каких обстоятельствах не могла остановить развития промышленной революции в Великобритании или ослабить влияние, которое эта революция оказывала на могущество Англии. Более того, за сто лет, прошедшие с 1815 г., в России произошёл значительный рост экономики и населения, а сама страна воспользовалась теми огромными преимуществами, которые давала ей встроённость в мировую систему капиталистического хозяйства, главным оплотом которого была Великобритания. Как в XIX, так и в XX в. Россия имела гораздо больше оснований опасаться не Англии, а континентальных держав, намеревавшихся установить собственное господство на европейском конти-

⁵³ Понять принципиальную важность англо-русского союза помогает тот факт, что в 1815 г. Россия, принимавшая минимальное участие в военных действиях, получила из Великобритании субсидии в размере 2 000 033 фунта стерлингов серебром и 888 922 фунта стерлингов в «федеративных бумагах». На содержание Балтийского флота в 1813–1814 гг. был выделен ещё 1 млн фунтов стерлингов.

⁵⁴ В приблизительном пересчёте на русскую валюту это составит не менее 165 млн руб. ассигнациями. Для сравнения: все военные расходы российской казны в 1812–1814 гг., по отчёту главного интенданта армии Е.Ф. Канкрин, составили 157 450 710 руб. ассигнациями. См.: *Блиох И.С.* Финансы России XIX столетия. История – статистика. Т. I. СПб., 1882. С. 135.

ненте» (с. 654). Две мировые войны XX в. доказывают справедливость этого утверждения.

В заключение позволю себе сказать несколько слов о творческом методе британского учёного. Русского читателя, а тем более специалиста-историка, может удивить тот факт, что он, рассуждая о дискуссионных проблемах дипломатической или военной истории наполеоновских войн, в одном абзаце может дать несколько разных ответов на один и тот же вопрос. Иногда эти ответы прямо противоречат друг другу. Я вижу здесь, кроме присущего англо-американской историографии стремления избегать однозначности оценок, желание автора рассуждать вместе с читателем, продемонстрировать ему ход собственной мысли и вариативность живой человеческой истории. Источник не является для Ливена сакральным свитком, которому можно только поклоняться и благоговейно его цитировать. Документ становится для него точкой отсчёта, текстом, способствующим упорному поиску наиболее корректного ответа на поставленные в начале исследования вопросы. Такой подход не может не вызывать симпатии читателя и желания следовать за автором в изучении переломного периода мировой истории.

И, наконец, последнее соображение. Британский исследователь написал книгу, объективно оценивающую вклад России в победу над Наполеоном и в создание мирной и стабильно развивающейся Европы. Русским историкам, как мне кажется, следует так же объективно оценить значение борьбы Великобритании за сохранение европейской цивилизации. Взаимное познание двух великих наций – это благородная работа на пользу всего человечества.

Материал подготовлен Л.В. Мельниковой